

«В ДАЛЬНИЙ ПОХОД О ДВУ КОНЬ»

Традиции кочевых племён в русском боевом искусстве

▲ Русская средневековая конница
Рисунок Никаноровской летописи

▲ Дворянская конница XVI в.
Гравюра в издании С. ГЕРБЕРШТЕЙНА

▲ Казаки XIX в.

На протяжении столетий восточные славяне — Русь — Россия вынуждены были отражать экспансию с Запада и сдерживать натиск кочевников с Востока. Естественно, в ходе боевых действий совершенствовалось их военное искусство, обогащался арсенал методов и средств вооружённой борьбы. Читайте в номере статью Е.В. Кусаиновой «Традиции кочевых племён в русском боевом искусстве», в которой предпринята попытка показать степень влияния племён тюркско-монгольского этноса на тактику и вооружение русских дружин и казачества в X—XV вв.

▲ Панцирь с нарукавниками
Россия, XVII в.

▲ Саадка для лука и колчан для стрел
Россия, XVII в.

Читайте в номере

▲ Сабля с ножами
Россия, XVII в.

▲ Бой казаков с кучумовцами у засеки

Миниатюра С.У. РЕМИЗОВА, вторая половина XVII в.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 3
1 кв. 2008

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделении связи по каталогу «Газеты, Журналы, Книги, Учебные пособия» агентства «Роспечать».

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков — 70137. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты, Журналы, Книги» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра журнала по каталогу в первом полугодии 2008 года — 44 рубля. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки: 119160, Москва, Хорошёвское шоссе, д. 30А, редакция «Военно-исторического журнала». Тел. редакции для справок: (495) 693-57-45; 8-906-751-06-97. E-mail: MI_Hist_magazin@mail.ru

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и «Военно-исторический журнал. Интернет-приложение» за 2004–2007 гг. — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут приобрести отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ, тел.: (495) 693-58-68.

Ежемесячное издание
Министерства
оборон
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

МАРТ
№ 3
2008

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Развитие ракетных войск Сухопутных войск во второй половине XX века

Боевые вертолёты в составе отечественной армейской авиации. 1951–1972 гг.

Красная армия в Иране. 1941–1944 гг.

Венгерские события 1956 года

Традиции кочевых племён в русском боевом искусстве

Первое боевое применение торпедного оружия в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Военно-политическая деятельность Александра I в эпоху Наполеоновских войн

Были ли в Порт-Артуре подводные лодки?

1559-0321-0626

В окрестностях Петербурга

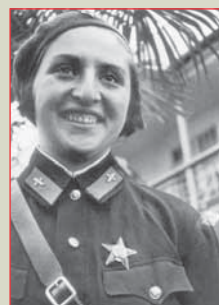
Художник Л.И. КИЛЬ, 1821 г.
Разанский государственный областной художественный музей им. И.П. Пожалустина

8 марта — Международный женский день

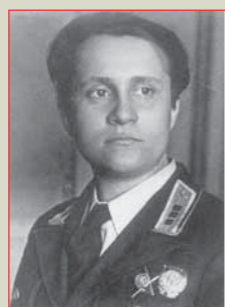
Военно-исторический журнал 2008 № 3 март

ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ ЖЕНЩИНЫ ПРЕДПОЧИТАЛИ

Форма одежды военнослужащих

Заслуженная парашютистка Р. Жордания в летней форме одежды образца 1936 г. для военнослужащих женщин РККА
Сочи, март 1937 г.

Старший лейтенант М.П. Нестеренко, военная лётчица в тёмно-синем френче командчсостава ВВС РККА образца 1934/35 г.
Фото МАРКОВА, Москва, 1937 г.

Отделённый командир, курсантка авиаучилища в зимней форме одежды рядового состава ВВС РККА
Декабрь 1940 г.

Военная лётчица майор П.Д. Осипенко в тёмно-синей фуражке образца 1937 г. и тёмно-синей шинели командчсостава ВВС РККА
Москва, март 1939 г.

Курсантка авиаучилища (или лётной школы Осоавиахима) в летней форме одежды рядового состава ВВС РККА
Около 1941 г.

Хлопчатобумажное платье для женщин-военнослужащих нестроевого состава Красной армии, введённое приказом НКО от 3 августа 1941 г.

Музей формы одежды русской, советской и иностранных армий

Рисунки формы одежды военнослужащих женщин ВВС РККА, установленной приказом НКО 1936 г. № 229

Реконструкция на основе рисунков художника В.Н. КУЛИКОВА

Рисунки формы одежды военнослужащих женщин строевого и нестроевого состава Красной армии, установленной приказом НКО от 1 декабря 1941 г.

Реконструкция на основе рисунков художника В.Н. КУЛИКОВА

Рисунки формы одежды военнослужащих женщин нестроевого состава Красной армии, установленной приказом НКО от 3 августа 1941 г.

Реконструкция на основе рисунков художника В.Н. КУЛИКОВА

Согласно порядку, установленному в начале 1920-х годов, все женщины, привлекаемые к работе в системе Народного комиссариата по военным и морским делам без зачисления на военную службу, обеспечивались бельём и верхней одеждой. Существовали и утверждённые образцы обмундирования для вольнонаёмных. Эта одежда не предполагала ношения петлиц, красноармейского значка и каких-либо других отличий военнослужащих. С 1936 по 1941 год практика вещевого обеспечения женщин, состоящих на службе по вольному найму в частях, управлениях и учреждениях Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), сохранилась, но уже не для всех категорий.

17 декабря 1936 года вводятся новые «Правила ношения формы одежды личным составом РККА». Особенностью формы одежды женщин было наличие берета (летний головной убор) и юбки. Зимой женщинам полагался открытый френч, применявшийся на

практике только в автобронетанковых войсках (АБТВ) и Военно-воздушных силах (ВВС).

1 сентября 1939 года вышел закон о всеобщей воинской обязанности, предоставляющий народному комиссару обороны право в военное время осуществлять призыв женщин, имеющих медицинскую, ветеринарную и специальную техническую подготовку. На случай войны женщинам были отведены должности начальника строевого состава Красной армии: строевого и нестроевого. Для этих двух категорий приказом Народного комиссариата обороны (НКО) от 1 февраля 1941 года было установлено два различных варианта снабжения в военное время: базовый комплект женского обмундирования для строевого состава ничем не отличался от мужского, а вся адаптированность варианта для нестроевого состава выражалась лишь в наличии юбки.

ФОРМЕННУЮ ОДЕЖДУ МУЖСКОГО ОБРАЗЦА

женщин ВВС РККА, 1935 – 1944 гг.

Гвардии майор С.Т. Амосова в кителе цвета хаки образца 1943 г., используемом в качестве парадного обмундирования
Фото Э. ЕВЗЕРИХИНА, район Гродно, декабрь 1944 г.

Старший лейтенант М.М. Раскова в летней форме одежды образца 1936 г. для военнослужащих женщин и капитан П.Д. Осипенко в обмундировании мужского образца
Фото О. ЛАНДЕР, Московская область, 1939 г.

Гвардии подполковник Е.К. Бершанская, командир 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка в форменном платье цвета хаки со стоячим гимнастерочным воротником
1944 г.

Младший лейтенант, военнослужащий 86 оаз в шерстяном обмундировании и хромовых сапогах и женщина-сержант в хлопчатобумажной гимнастёрке для военнослужащих женщин образца 1944 г., хлопчатобумажной юбке и женских сапогах

Выпускницы Высшего военного гидрометеорологического института в зимней форме одежды нестроевого начсостава образца 1941 г. с петлицами технического состава ВВС Красной армии

Ленинабад, 12 февраля 1942 г.

Рисунки формы одежды военнослужащих женщин Красной армии, установленной приказом НКО от 9 августа 1942 г.

Реконструкция на основе рисунков художника В.Н. КУЛИКОВА

Рисунки (с элементом реконструкции) полевой и повседневной формы одежды женщин командного и начальствующего состава Красной армии, установленной приказом НКО от 15 января 1943 г.

Техническая библиотека Военно-научного комитета Центрального вещевого управления МО РФ

3 августа 1941 года приказом НКО СССР № 261 устанавливается форма одежды для начальствующего состава женщин. Согласно приказу она должна была соответствовать «существующему порядку обеспечения вещевым довольствием», установленному для мужчин, с возможной заменой шаровар юбкой. Для военнослужащих женщин, занимающих нестроевые должности начальствующего состава Красной армии, приказ установил «особую форму одежды», состоящую из берета, пальто и платья.

9 августа 1942 года объявляется новый набор предметов женского обмундирования, приближённый к общевойсковым нормам. Но на практике до начала 1943 года военнослужащие женщины обеспечивались предметами формы одежды всевозможных (диступных) образцов.

Основной женской формы образца 1943 года служил набор «корпусных» предметов одежды, предусмотренных

и для мужчин. Особую специфику всех разновидностей этой формы определяли характерные сопутствующие предметы: берет и юбка. На практике образцы полевой и повседневной формы одежды для военнослужащих женщин, а также нормы отпуска женских вещей оказались неудовлетворительными. Несовершенство женского обмундирования в некоторых случаях приводило к тому, что военнослужащие женщины отдавали предпочтение предметам форменной одежды мужского образца.

В июле 1944 года в связи с многочисленными жалобами женщин было проведено специальное обследование по выявлению недостатков женского обмундирования. Технический комитет Главного интендантского управления Красной армии постановил ввести целый ряд изменений формы одежды для женщин Красной армии.

Ил. из кн.: Кибовский А.В., Степанов А.Б., Цыленков К.В. Униформа Российского военного воздушного флота: В 2 т. Т. 2. Ч. 1. М., 2007.

«ЧТОБЫ БЫЛО Мундирные платья русских

«Бабий век» российской монархии породил специфическое направление в женской моде — стиль «милитари», который как явление сложился во второй половине XVIII века при российском императорском дворе и был связан с формированием традиции ношения так называемых мундирных платьев. Русские монархи по традиции являлись шефами тех или иных воинских подразделений и носили форму подшефных полков. А поскольку на протяжении большей части XVIII века российский императорский трон занимали женщины, то ими и был создан прецедент появления мундирных платьев.

Елизавета Петровна появлялась на маскарадах затаенная в офицерские лосины. Она вообще любила носить офицерскую форму, но это было скорее игрой, продолжением маскарадных переодеваний. В ходе переворота 1762 года императрица Екатерина II впервые появилась перед войсками в полной форме офицера лейб-гвардии Преображенского полка, возглавив «поход» гвардии на Ораниенбаум, в котором находился Пётр III. Появившиеся мундирные платья стали своеобразным компромиссом между общепринятыми моральными нормами того времени и стремлением продемонстрировать близость к гвардейским полкам, которые были тогда главной опорой трона. Мундирные наряды Екатерининской эпохи состояли из лифа, юбки и верхнего распашного платья, украшенного форменным шитьём с медными золочёными пуговицами.

Именно с лёгкой руки Екатерины II в императорской семье сложилась прочная традиция ношения мундирных платьев, которая просуществовала с 60-х годов XVIII века до 1917 года. В мундирных платьях императрицы и великие княжны появлялись на парадах, полковых праздниках, принимали во дворце военачальников. Цвет платья и его форменное шитьё полностью соответствовали цветовому решению и декору формы того или иного полка, шефом которого являлись женщины императорской фамилии.

Об истории и традициях мундирных платьев читайте в номере статью И.В. Зимина «Мундирные платья русских императриц и великих княжон».

Конный портрет **▲** Елизаветы Петровны с арапчиком
Художник Т. ГРООТ, 1743 г.

Елизавета с арапчиком **▲**
Фарфор
По мотивам картины Т. ГРООТА

Конный портрет Екатерины II **▲**
Фрагмент. Художник Э. ВИГИЛИУС, после 1762 г.

Мундирное платье **▲** Екатерины II по форме Преображенского полка
1763 г.

Мундирное платье **▲** Екатерины II по форме лейб-гвардии Конного полка
1766 г.

Мундирное платье **▲** Екатерины II по форме лейб-гвардии Конного полка
1773 г.

ПО ФОРМЕ»

императриц и великих княжон

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПАРИТЕТЫ
ОТЕЧЕСТВА

Мундирное платье **▲** Екатерины II по форме Преображенского полка
После 1785 г.

Мундирное платье **▲** Екатерины II по форме лейб-гвардии Кавалергардского полка

Мундирное платье императрицы Марии Фёдоровны по форме лейб-гвардии Кирасирского полка **▲**

Читайте в номере

Мундирное платье **▲**
1815 г.

Мундирное платье **▲** Екатерины II по форме Военно-морского флота
1796 г.

Мундирное платье **▲** по форме синих кирасир

Великая княжна Ольга Николаевна в мундирном платье по форме 3-го гусарского Елисаветградского полка **▲**
1845 г.

Мундирные платья императрицы Марии Фёдоровны по форме лейб-гвардии Кавалергардского (справа) и Кирасирского (слева) полков

Великая княжна Ольга Николаевна в строю 3-го гусарского Елисаветградского полка
Почтовая открытка

Обложка книги ▲

Установлен ещё один ▲ солдат

Мы о вас не забыли... ▲

Личный состав поискового батальона
Сентябрь 2006 г. ▼

4

«НАШИ ПОГИБШИЕ СВЕРСТНИКИ... НЕ ДОЛЖНЫ ЛЕЖАТЬ ТАМ, ГДЕ ИХ ЗАСТИГЛА СМЕРТЬ»

Поисковый батальон Министерства обороны Российской Федерации на «Невском пятачке»

В январе 1993 года в РФ был принят закон «Об увековечивании памяти погибших при защите Отечества». По решению Министерства обороны Российской Федерации от 21 января 2006 года был создан Специальный поисковый батальон. Основное место проведения работ – «Невский пятачок». Итогом работы батальона стало перезахоронение 908 военнослужащих, установление 16 имён погибших и родственников двух защитников Ленинграда.

О работе спецбатальона рассказывается в недавно вышедшей книге «Поисковый батальон Министерства обороны на «Невском пятачке»*. Также в ней рассказано о попытках прорыва блокады, не увенчавшихся

успехом, о жертвах около 200 тыс. человек, останки которых остались непогребёнными. В ней приводятся указы, приказы, акты, список установленных имён погибших воинов, отчёты о работе батальона, в хронологическом порядке описываются военные события. В издании много цветных фотографий, топографических карт обороны «Невского пятачка», листовок немецкой армии.

Публикацию подготовила
И.С. КОЛЕНКОВА

* Ковалев С.Н., Мусин М.М., Рупасов А.И.
Поисковый батальон Министерства обороны на «Невском пятачке». Выборг, 2007.

▲ Работы по обнаружению взрывоопасных предметов
Июнь 2006 г.

▲ Результаты поисков

Полковник В. Шумский (слева), начальник управления по увековечению памяти погибших при защите Отечества (Министерство обороны Республики Беларусь), генерал-майор А. Кирилин, начальник Военно-мемориального центра ВС РФ

▼ И обрели они покой...

УНИКАЛЬНОЕ ВОЕННОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ

К 60-летию Ульяновского высшего военно-технического училища (военного института)

▲ Центральный вход в Ульяновское высшее военно-техническое училище (военный институт)

Читайте в номере

Решение многогранных задач по обеспечению горючим в РККА в годы Великой Отечественной войны было возложено на специальную службу снабжения горючим. Со своими задачами она справилась успешно. Однако в ходе войны стали очевидны и слабые места, которые прежде всего были связаны с недостатком подготовленных кадров. Укомплектованность службы офицерами, имеющими специальное образование, составляла всего 38 проц.

По окончании войны положение с кадрами ещё более ухудшилось из-за увольнения практически всех специалистов, призванных из нефтяных отраслей промышленности. Назрела необходимость создания специального училища, готовящего офицеров службы горючего, обладающих необходимыми знаниями по ракетному топливу, ГСМ и техническим средствам службы, способных организовать и осуществлять обеспечение горючим войск и сил флота в любых видах боя, а в мирное время создать все условия для бесперебойной боевой подготовки личного состава на сложной и энергоёмкой военной технике и вооружении.

В 1947 году было принято решение о создании Военно-технического училища службы снабжения горючим. За 60 лет это учебное заведение подготовило тысячи специалистов для Вооружённых Сил СССР и Российской Федерации, для армий государств – участников Варшавского договора, развивающихся стран, а в последние годы и для армий стран СНГ.

Об истории Ульяновского высшего военно-технического училища (военного института) и его сегодняшнем дне читайте в статье начальника Центрального управления ракетного топлива и горючего Министерства обороны Российской Федерации генерал-майора В.В. Каука, окончившего УВВТУ в 1980 году с золотой медалью.

Эмблема Ульяновского высшего военно-технического училища (военного института)

▲ Боевое Знамя Ульяновского высшего военно-технического училища (военного института)

▲ Начальник Центрального управления ракетного топлива и горючего МО РФ генерал-майор В.В. Каук

▲ Генерал-майор Богачев вручает Боевое Знамя и Грамоту Президиума Верховного Совета СССР начальнику училища полковнику И.Р. Лашко г. Черновцы, 27 февраля 1949 г.

▲ Начальник тыла Вооружённых сил – заместитель министра обороны РФ генерал армии В.И. Исаков, начальник Центрального управления ракетного топлива и горючего МО РФ генерал-майор В.В. Каук и начальник Ульяновского высшего военно-технического училища полковник А.В. Морохов (крайний слева) осматривают учебную базу училища
Декабрь 2007 г.

ЖЕНЩИНЫ В АРМИИ		WOMEN IN THE ARMY	
1	Военнослужащие женщины предпочитали форменную одежду мужского образца. Форма одежды военнослужащих женщин ВВС РККА, 1935–1944 гг. Military women preferred to wear service uniforms for servicemen. Uniforms of military women of the Red Army Air Force, 1935–1944		
МУНДИР ОТЕЧЕСТВА		FULL-DRESS UNIFORM OF THE FATHERLAND	
2	«Чтобы было по форме». Мундирные платья русских императриц и великих княжон "In order to be in accordance with the uniform". Uniform dresses of the Russian empresses and princesses		
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ		MILITARY PATRIOTIC EDUCATION	
4	«Наши погибшие сверстники... не должны лежать там, где их застигла смерть». Поисковый батальон Министерства обороны Российской Федерации на «Невском пятачке» (Публикация И.С. КОЛЕНКОВОЙ) "Our victims the coevals... they must not lie where they were caught by the death". The searching battalion of the Ministry of Defense of the Russian Federation on the "Nevsky pyatachok" (Neva river place of arms) (Publication of I.S. KOLENKOVA)		
ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ		MILITARY TRAINING AND EDUCATION	
5	Уникальное военное учебное заведение. К 60-летию Ульяновского высшего военно-технического училища (военного института) A unique military educational institution. To the 60th anniversary of the Ulyanovsk Higher Military-Technical School (Military Institute)		
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО		MILITARY CONSTRUCTION	
9	А.М. БАРАБАНОВ — Развитие ракетных войск Сухопутных войск во второй половине XX века A.M. BARABANOV — Development of the rocket forces of the Land forces in the second part of XX century		
13	Ю.Ф. ПИВОВАРОВ — Боевые вертолёты в составе отечественной армейской авиации. 1951—1972 гг. Yu.F. PIVOVAROV — Combat helicopters in this country Army aviation. 1951—1972		
ИСТОРИЯ ВОЙН		HISTORY OF THE WARS	
17	А.Ш. САЛИХОВ — Красная армия в Иране. 1941—1944 гг. A.Sh. SALIKHOV — The Red Army in Iran. 1941—1944		
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ		STANDPOINTS. OPINIONS. VERSIONS	
22	Б.Г. БРАТЕНКОВ — Венгерские события 1956 года B.G. BRATENKOV — The Hungarian events of 1956		
25	Д.В. МАРЬИН — Были ли в Порт-Артуре подводные лодки? D.V. MAR'IN — Were there submarines in Port-Arthur?		
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ		HISTORIOGRAPHY AND THE SOURCE STUDY	
28	А.И. ШЕЙНА — «Хранитель тишины и равновесия». Русская историография первой половины XIX века о характере внешней политики и военно-политической деятельности Александра I в эпоху Наполеоновских войн A.I. SHEINA — "The keeper of silence and balance". The Russian historiography of the first half of XIX century about character of the foreign policy and military political activities of Alexander I in the epoch of Napoleon wars		
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.		THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945	
34	Г.М. ШИРШОВ — Они стали основным контингентом Советской армии G.M. SHIRSHOV — They became the main contingent of the Soviet Army		
ВОЕННОЕ ИСКУССТВО		MILITARY ART	
36	Е.В. КУСАИНОВА — Традиции кочевых племён в русском боевом искусстве E.V. KUSAINOVA — Traditions of nomadic tribes in the Russian fighting art		
ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ		FROM HISTORY OF ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT	
41	И.Ф. ШУГАЛЕЙ — Реальная сила в борьбе за господство на море. Первое боевое применение торпедного оружия в ходе Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. I.F. SHUGALEI — The real force in the struggle for domination in the sea. The first combat application of torpedo weapon during the Russia-Turkey war of 1877–1878		
ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ		MILITARY TRAINING AND EDUCATION	
45	В.В. КАУК — Кузница кадров службы горючего. К 60-летию Ульяновского высшего военно-технического училища V.V. KAUK — "A source of personnel" of the fuel supply service. To the 60th anniversary of the Ulyanovsk Higher Military-Technical School		

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ		MILITARY PATRIOTIC EDUCATION	
47	С.Г. БАНДУРИН — Клятва на верность S.G. BANDURIN — An oath for faithfulness		
49	А.М. КУЗНЕЦОВ — Организационно-правовые основы деятельности отечественных военных музеев в 1918—1991 гг. A.M. KUZNETSOV — Organizational-legal basis of the military museums activities in this country in 1918–1991		
НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ		ON THE RUSSIAN EMPIRE'S FRONTIERS	
53	Е.В. БЕЛОВА — Судьба бугского казачества. Конец XVIII — начало XIX века E.V. BELOVA — Destiny of the Bug Cossacks. The end of XVIII – beginning of XIX century		
МУНДИР ОТЕЧЕСТВА		FULL-DRESS UNIFORM OF THE FATHERLAND	
57	И.В. ЗИМИН — Мундирные платья русских императриц и великих княжон I.V. ZIMIN — Uniform dresses of the Russian empresses and princesses		
ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ		FAMILY ARCHIVE	
61	Н.К. ГРИГОРОВ — «Летал я, как песчинка... по случайным маршрутам трёх континентов» N.K. GRIGOROV — "I flew as a grain of sand... down by accidental routs of three continents"		
ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ		MILITARY TRAINING AND EDUCATION	
66	С.И. САБУРОВ — Использование материально-технической базы воспитательной работы в ходе боевых действий советских войск в Афганистане L.D. SABUROV — Make use of the material and technical basis at the education work during battle action of the soviet troops in Afghanistan		

МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ		MEMOIRS AND ESSAYS	
71	Н.С. ЛЕСКОВ — Кадетский монастырь (Публикация О.Р. ДМИТРИЕВОЙ) N.S. LESKOV — The cadet monastery (Publication of O.R. DMITRIEVA)		
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ		FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS	
75	А.Н. ГУРКОВСКИЙ — Палец на курке (Публикация В.А. ГУРКОВСКОГО) A.N. GURKOVSKY — Finger on the cock (Publication of V.A. GURKOVSKY)		
80	В.М. ДОГАДИН — Моя служба в 4-м понтонном батальоне в 1906—1908 гг. (Публикация З.Д. ЯСМАН) V.M. DOGADIN — My service in the 4th pontoon battalion in 1906–1908 (Publication of Z.D. YASMAN)		
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ		CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY	
82	А.И. СОРОКИН — Маршал Г.К. Жуков — полководец и человек A.I. SOROKIN — Marshal G.K. Zhukov — a military leader and a person		
84	Е.М. ЦУНАЕВА — Серия документальных изданий о военнопленных в СССР (1939—1956 гг.) E.M. TSUNAIEVA — Series of documental editions about prisoners of war in the USSR (1939–1956)		
85	П.А. БАННИКОВ — Монография о создании морской авиации Отечества P.A. BANNIKOV — Monography about creation of the Navy Aviation of the Fatherland		
86	В.К. БЕЛОЗЁРОВ — Отечественная традиция асимметричного воевания V.K. BELOZEROV — This country tradition of dissymmetric of fighting		
48, 65	НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION		
48, 60, 87	КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА THE BOOKSHELF OF A MILITARY HISTORIAN		
68, 87	ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ MEMORABLE DATES		
69	АНКЕТА «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» QUESTIONNAIRE OF "VOENNO-ISTORICHESKIY ZHURNAL"		
88	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ INFORMATION ABOUT AUTHORS		
НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ		ON THE RUSSIAN EMPIRE'S FRONTIERS	
3-я стр. обл.	А.Н. ЧАБАНОВА — История Бугского казачества A.N. CHABANOVA — History of the Bug Cossacks		
ВОЕННОЕ ИСКУССТВО		MILITARY ART	
4-я стр. обл.	«В дальний поход о двух конях». Традиции кочевых племен в русском боевом искусстве "To the long journey on two horses". Traditions of nomadic tribes in the Russian fighting art		

П.А. Жилин
Ф.П. Уваров

РЕДАКЦИЯ

Заместитель главного редактора (ВрИО главного редактора)

АВЕРЧЕНКО Сергей Викторович,
подполковник, кандидат исторических наук

Ответственный секретарь редакции
КИКНАДЗЕ Владимир Георгиевич,
капитан 2 ранга, кандидат военных наук

Научные редакторы

О.Р. ДМИТРИЕВА;
Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;
В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант
в отставке, кандидат исторических наук,
профессор;
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, полковник запаса,
кандидат философских наук, старший
научный сотрудник;
В.Г. ОПЛОКОВ, капитан 1 ранга
в отставке;
А.В. ОСТРОВСКИЙ;
Р.И. ПАРФЕНОВ, старший лейтенант;
А.Н. ЧАБАНОВА

Секретариат

М.В. ЗАБРОДИНА
(заместитель ответственного
секретаря редакции);
К.Н. АГАФОНОВА;
Е.В. КРИГЕР;
Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

О.К. ГРАЧЁВА, заслуженный работник
культуры РФ;
Е.С. ДАНИЛИНА;
А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса

Художественный редактор

Т.Г. ПИМЕНОВА

Заведующая редакцией

М.П. МОИСЕЕВА

Перевод

В.Д. НЕСТЁРКИН

Компьютерная вёрстка

О.В. ТАРАСОВ, лейтенант;
А.В. СОЛОМАХИН, лейтенант

Адрес для переписки: 119160,
Москва, Хорошёвское шоссе, 38 Д,
редакция «Военно-исторического
журнала».

тел.: (495) 693-57-45,
8-906-751-06-97;

E-mail: Mil_Hist_magazin@mail.ru
Электронная версия «Военно-
исторического журнала» и «Военно-
исторический журнал. Интернет
приложение» – на главной
странице сайта
Министерства обороны РФ
www.mil.ru

«VOENNO-ISTORICHESKY
ZHURNAL»
MONTHLY SCIENTIFIC POPULAR
EDITION OF THE MINISTRY OF
DEFENSE OF THE
RUSSIAN FEDERATION
Founded in August, 1939

Решением Президиума Высшей аттестационной
комиссии (ВАК) Министерства образования
и науки РФ «Военно-исторический журнал» включён
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание
учёных степеней кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)
С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)
В.И. ИСАКОВ — начальник Тыла Вооружённых сил — заместитель министра обороны РФ, генерал армии (Москва)
А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)
В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)
А.А. КОЛБТЮКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)
И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)
А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами, генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)
А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)
А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)
А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба — председатель Военно-научного комитета Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат политических наук, доцент (Москва)
Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)
В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)
А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)
С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник, заслуженный работник культуры РФ (г. Подольск Московской области)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)
И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)
А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)
В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ — председатель Комитета ветеранов военных комиссариатов г. Москвы, генерал-майор в отставке (Москва)
Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)
И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник Научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)
А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)
С.Н. КОВАЛЁВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)
Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)
В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)
В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)
Г.А. КУМАНЁВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)
С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)
Н.И. НИКИФОРОВ — заместитель начальника Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Москва)
А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник запаса (Москва)
Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)
М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)
А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)
А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЯ БУГСКОГО КАЗАЧЕСТВА

На рубежах Российской империи

Читайте
в
номере

Белое и цветное знамёна
Бугского казачьего
войска
1804 года

Рядовой казак и урядник
Бугского казачьего
войска. 1812 г.

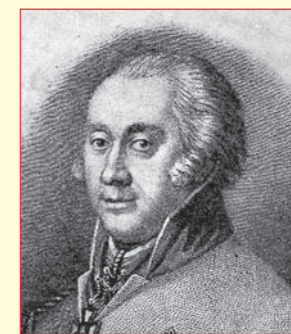
Обер-офицер Бугского
казачьего войска.
1815 г.

История бугского казачества — одного из самых необычных и своеобразных в России — хранит немало интересного. Впервые о бугских казаках упомянул известный российский статист, историк и географ XIX века Е.Ф. Зябловский. Также долгое время в изучении этой темы историки опирались на статью В. Лобачевского, который использовал многие ранее непубликованные документы, а также предания, повествующие о заграничном происхождении войска. Директор Новороссийского статистического комитета А.А. Скальковский, а позднее и советский болгарист Н.С. Державин полагали, что бугские казаки

перешли к нам из османского (турецкого) войска. В конце 50-х годов XX века одесские историки В.А. Загоруйко, И.А. Хиони, основываясь на материалах местных архивов, обосновали вывод о том, что Бугское казачье войско первоначально формировалось на Правобережной Украине. В современной историографии эта тема по-прежнему остаётся открытой.

Об истоках, истории и этнической составляющей бугских казаков читайте в статье Е.В. Беловой «Судьба бугского казачества. Конец XVIII — начало XIX века».

А.Н. ЧАБАНОВА

И.И. Михельсон

Д.И. Давыдов

П.А. Румянцев-Задунайский

Г.А. Потёмкин-Таврический

А.Ф. Ланжерон

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

А.М. БАРАБАНОВ — Развитие ракетных войск Сухопутных войск во второй половине XX века

Ю.Ф. ПИВОВАРОВ — Боевые вертолёты в составе отечественной армейской авиации. 1951—1972 гг.

ИСТОРИЯ ВОЙН

А.Ш. САЛИХОВ — Красная армия в Иране. 1941—1944 гг.

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ

Б.Г. БРАТЕНКОВ — Венгерские события 1956 года

Д.В. МАРЬИН — Были ли в Порт-Артуре подводные лодки?

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

А.И. ШЕЙНА — «Хранитель тишины и равновесия». Русская историография первой половины XIX века о характере внешней политики и военно-политической деятельности Александра I в эпоху Наполеоновских войн

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

Г.М. ШИРШОВ — Они стали основным контингентом Советской армии

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

Е.В. КУСАИНОВА — Традиции кочевых племён в русском боевом искусстве

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

И.Ф. ШУГАЛЕЙ — Реальная сила в борьбе за господство на море. Первое боевое применение торпедного оружия в ходе Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

В.В. КАУК — Кузница кадров службы горячего. К 60-летию Ульяновского высшего военно-технического училища

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

С.Г. БАНДУРИН — Клятва на верность

А.М. КУЗНЕЦОВ — Организационно-правовые основы деятельности отечественных военных музеев в 1918—1991 гг.

НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Е.В. БЕЛОВА — Судьба бугского казачества. Конец XVIII — начало XIX века

МУНДИР ОТЕЧЕСТВА

И.В. ЗИМИН — Мундирные платья русских императриц и великих княжон

ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ

Н.К. ГРИГОРОВ — «Летал я, как песчинка... по случайным маршрутам трёх континентов»

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

С.Н. САБУРОВ — Использование материально-технической базы воспитательной работы в ходе боевых действий советских войск в Афганистане.

МОЛОДЕЖНЫЙ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

Н.С. ЛЕСКОВ — Кадетский монастырь

(Публикация О.Р. ДМИТРИЕВОЙ)

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

А.Н. ГУРКОВСКИЙ — Палец на курке

(Публикация В.А. ГУРКОВСКОГО)

В.М. ДОГАДИН — Моя служба в 4-м понтонном батальоне в 1906—1908 гг.

(Публикация З.Д. ЯСМАН)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А.и. сорокин — Маршал Г.К. Жуков — полководец и человек

Е.М. ЦУНАЕВА — Серия документальных изданий о военнопленных в СССР (1939—1956 гг.)

П.А. БАННИКОВ — Монография о создании морской авиации Отечества

В.К. БЕЛОЗЁРОВ — Отечественная традиция асимметричного воевания

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Барabanов Александр Михайлович —

профессор Михайловской артиллерийской академии, полковник запаса, кандидат военных наук, профессор (Санкт-Петербург)

Развитие ракетных войск Сухопутных войск во второй половине XX века

Наземная артиллерия в XX веке стала главной огневой силой Сухопутных войск (СВ) и образно была названа «богом войны». После Второй мировой войны появилось ракетно-ядерное оружие, были созданы новые и получили развитие прежние виды Вооруженных Сил и рода войск. Так, мощь «классической» артиллерии дополнили ракеты, и в обновленных СВ появился новый род войск — ракетные войска и артиллерия (РВИА).

Однако следует отметить, что такое название этот род войск носит с 1961 года и только в наших СВ, а за рубежом по-прежнему именуется артиллерией (полевой артиллерией). Этот факт заставляет вспомнить происхождение ракетных войск и подумать об их отношении к артиллерии, прежде всего реактивной. Что у них общего и что их разделяет? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к истории. В этом отношении особый интерес представляют ракетные войска отечественных Сухопутных войск.

Ключевыми словами в данной статье являются парные термины: ракета и реактивный снаряд, ракетное и реактивное оружие, ракетный комплекс (РК) и реактивная система залпового огня (РСЗО). Исходное определение: ракетные войска — собирательное наименование воинских формирований, основу вооружения которых составляет ракетное оружие различного назначения. Классификация наземных РК по дальности действия: до 150км — тактические, 150—1000 км — оперативно-тактические, свыше 1000км — стратегические¹.

Не будем заглядывать в глубь веков и говорить о первородстве. Ракеты появились раньше орудий, но стала развиваться именно ствольная артиллерия. Предшественниками ракетных войск (РВ) принято считать ракетные подразделения, существовавшие еще в XIX веке. Однако с появлением нарезных орудий ракетные станки надолго исчезли, возродившись в виде РСЗО только в начале Второй мировой войны. С неё и логично начать отсчет времени РВ.

В годы войны реактивная артиллерия показала свою мощь, тем не менее приоритет удерживала ствольная артиллерия. К концу войны в наземной артиллерии советских СВ удельный вес РСЗО составлял бпроц., и по дальности стрельбы полевые орудия в 1,5—2,5раза превосходили РСЗО. Это можно показать на примере самых массовых систем. Орудия: 76-мм пушка ЗиС-3 — 13,2км, 122-мм гаубица М-30 — 11,8км; РСЗО: БМ-13 — 7,9км, БМ-31-12 — 4,3км².

Боеприпасы РСЗО — неуправляемые ракеты. Их называли реактивными снарядами (РС). Тогда же появились и первые управляемые ракеты. Среди них наибольшее значение имели баллистические (БР) дальнего действия.

Разработка БР велась в СССР и Германии еще в 1930-х годах, однако по ряду причин только Германия наладила их производство и осуществила боевое применение в конце войны, летом 1944 года. Несмотря на несовершенство и низкую эффективность поражающего действия БР, неоспоримым их достоинством были дальнобойность и мощная боевая часть (БЧ), не сравнимые с орудиями полевой и даже сверхтяжелой артиллерии. Так, немецкие 210-мм пушки имели дальность стрельбы 29 км и снаряд весом 120 кг, а БР Фау-2 (А-4) — дальность до 300 км и фугасную БЧ весом 980кг³.

Во время второй мировой войны появилось также принципиально новое оружие — ядерное. Его разработка велась параллельно в Германии и США. Дальнобойная БР с ядерной БЧ могла бы стать «оружием возмездия» для фашистской Германии. Но создать и применить летом 1945 года ядерное оружие сумели только США, и первым его носителем стала стратегическая авиация.

Руководство СССР должным образом оценило и немецкую дальнебойную БР А-4, и американскую атомную бомбу. Угроза применения США ядерного оружия против СССР вынудила Советский Союз принять ответные меры. В 1945 году начались интенсивные работы по созданию ядерного оружия, в 1946-м — по созданию дальнебойных БР как средств его доставки. Для проведения испытаний и боевого применения новых средств поражения потребовались соответствующие воинские формирования. Ими стали первые ракетные соединения, от которых ведут свое начало и ракетные войска СВ. Таким образом, РСЗО периода Второй мировой войны являлись разновидностью артиллерии, а происхождение РВ было обусловлено созданием качественно нового оружия. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Военная энциклопедия. М.: Воениздат, 2004. Т. 7. С. 163.

² Развитие тактики Сухопутных войск в Великой Отечественной войне. М.: ВАФ, 1981. С. 292, 293.

³ Шунков В.Н. Энциклопедия артиллерии особой мощности. Мн.: Харвест, 2004. С. 212; Советская военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1980. Т. 8. С. 252.

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Пивоваров Юрий Федорович —

преподаватель кафедры оперативного искусства Военно-воздушной академии имени Ю.А. Гагарина, кандидат исторических наук (пгт Монино Московской обл.)

Боевые вертолеты в составе отечественной армейской авиации. 1951—1972 гг.

Хотя интенсивная разработка советскими авиаконструкторами принципиально новых летательных аппаратов — вертолетов и началась в послевоенные годы, все же первый боевой опыт подразделения винтокрылов приобрели ещё в ходе Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Буквально в самом её начале 5 серийных автожиров¹ ЦАГИ А-7 поднялись с заводского аэродрома под Москвой (г. Люберцы) и развернутым строем ушли на запад для решения боевых задач. Это была единственная эскадрилья таких машин (командир — капитан Н.П. Трофимов, инженер — будущий конструктор вертолетов для армейской авиации М.Л. Миль; общее руководство осуществлял генеральный конструктор Н.И. Камов), принявшая участие в боевых действиях.

В тяжелейших условиях начального периода войны без прикрытия истребительной авиации эскадрилья автожиров решала самые разнообразные боевые задачи: корректировала огонь артиллерии, вела разведку огневых позиций противника и маршрутов выдвижения его тактических резервов, осуществляла связь между разрозненными частями Красной армии, разбрасывала над позициями вражеских войск листовки. Как перечисленные, так и некоторые другие специальные задачи автожиры выполняли и днем, и ночью. Важной особенностью их боевого применения явилось то, что они были приданы тем структурам, в интересах которых

решали все перечисленные задачи, а именно артиллерийским группам стрелкового корпуса. Однако подобное использование новой авиационной техники являлось эпизодическим, в связи с чем Н.И. Камов писал: «Тяжелые условия военного времени и эвакуация не дали возможности провести испытания этого интересного аппарата. Многие черты его сохранились в последующих конструкциях нашего КБ и конструкторского бюро Миля...»².

В послевоенный период (с 1951 г.) новое направление строительства и боевого применения винтокрылов определилось с принятием на вооружение первого отечественного серийного вертолета³ МИ-1. В дальнейшем были разработаны винтокрылые машины Ми-4, Як-24, Ми-6, Ми-2 и Ми-8, которые собственно и послужили материальной основой становления современной армейской авиации. До 1972 года они входили в состав вспомогательной и десантно-транспортной авиации ВВС. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автожир — (от греческого *autos* — сам и *gyros* — круг, вращение) летательный аппарат тяжелее воздуха, создающий подъемную силу за счет набегающего потока на лопасти вращающегося свободно несущего винта (ротора). Поступательное движение аппарат получает от тянущего (толкающего) винта./

² *Кащеев Л.Б.* Винтокрылы Второй мировой войны (автожиры и вертолеты). Харьков, 2001. Вып. II. С. 22.

³ Вертолет — летальный аппарат тяжелее воздуха, у которого подъемная сила создается одним или несколькими несущими винтами.

ИСТОРИЯ ВОЙН

Салихов Александр Шарифович —

преподаватель кафедры журналистики Военного университета МО РФ, майор запаса (г. Серпухов)

Красная армия в Иране. 1941—1944 гг.

В планах фашистской Германии, развязавшей Вторую мировую войну, важное значение придавалось странам Востока, которые нужны были ей для дальнейшей экспансии. Особенно большой интерес проявлялся к государствам, сопредельным с Советским Союзом, в первую очередь к Ирану, обладавшему огромными нефтяными, продовольственными и другими ресурсами. Кроме того, он занимал стратегическое расположение на границах с СССР, Афганистаном, Индией, Турцией и Ираком, что открывало путь в советские закавказские и среднеазиатские республики, а также в британские колониальные владения.

Ситуация в этом регионе осложнялась тем, что, несмотря на стремление советского правительства укреплять дружественные отношения с Ираном, иранский лидер Реза-шах Пехлеви проводил недружественный по отношению к СССР курс и в целях сохранения своего господства в стране все более превращал Иран в негласного союзника фашистской Германии. Немецкое верховное военное командование, составляя план агрессии против СССР, видело в Иране один из наиболее удобных плацдармов.

Несмотря на то, что господствующее положение в Иране занимала Англия, Германия в своем проникновении в Иран накануне Второй мировой войны добилась определенных успехов, заняв, к примеру, первое место в его внешней торговле. Еще больше активизировалась ее экспансионистская политика с началом войны. Опираясь на поддержку авторитарного режима Реза-шаха Пехлеви, она усилила поставки в Иран вооружения, увеличила здесь свою «пятую колонну», которая вербовала депутатов меджлиса, генералов и офицеров, высших сановников Реза-шаха; немецкие спецслужбы наводнили страну разведчиками и всевозможными агентами. К концу 1930-х годов здесь насчитывалось несколько тысяч всех этих «специалистов», действовавших под руководством опытейших разведчиков и диверсантов Франца Майера, Романа Гамотта, фон Радановича, Вольфа, Густава Бора и других. Так что с началом Второй мировой войны почти вся военная промышленность и внешняя торговля Ирана оказались под контролем гитлеровской Германии, а затем под её давлением Иран пошел на сближение с Японией и Италией. Иранское правительство предоставило и этим государствам свою территорию для разведывательной и другой подрывной деятельности против Советского Союза.

Опорными пунктами германских разведчиков в Иране стали отделения немецких фирм «АНГ», «Феррошталь», «Мерседес», «Гарбер», «Шихау» и др. Под маской экономистов, инженеров, механиков и других специалистов агенты германской разведки заняли ключевые должности во многих иранских учреждениях и ведомствах. Они проникли в военные органы, в министерства финансов, почт и телеграфов, промышленности и торговли, земледелия. Словом, с началом войны и вплоть до августа 1941 года все важнейшие отрасли иранской экономики — промышленность, торговля и особенно военное строительство и политика — оказались в руках нацистской Германии. К примеру, на предприятиях военного министерства важные должности занимали 56 агентов германской военной разведки¹.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Ибрагимбейли Х.М. Противостояние в Иране // Танкомастер. 2005. №8.

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ

Братенков Борис Георгиевич —

полковник в отставке, кандидат технических наук (г. Мытищи Московской обл.)

Венгерские события 1956 года

Более пятидесяти лет тому назад происходили венгерские события, которые все еще требуют объективного, всестороннего изучения¹. Большинство исследователей, освещая эти события, исходят из современной отрицательной оценки деятельности Советской власти. В основном это относится к западным учёным². Как очевидец и участник этих событий автор данной публикации знакомит читателей «Военно-исторического журнала» со своим взглядом на них и собственной оценкой.

Я не претендую на роль историка или архивиста, а хочу сузить «коридор» оценок в соответствии с реалиями того времени. Считаю своим долгом перед ветеранами боевых действий в Венгрии в 1956 году показать позитивную сторону и полезность действий со стороны СССР.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Бруз В.В. Взгляды исследователей на события в Венгрии 1956года // Воен-истор. журнал. 2006. № 10. С. 63, 64.

²Генвилл Д. История XX века / Пер. с англ. М.: Аквариум, 1999. С.480—483.

Марьин Дмитрий Владимирович —

доцент кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета, кандидат филологических наук (г. Барнаул)

Были ли в Порт-Артуре подводные лодки?

Долгое время многие исследователи Русско-японской войны 1904—1905 гг. либо отвергали факт наличия в осажденном Порт-Артуре подводных лодок¹, либо обходили этот вопрос молчанием. Однако в последнее время появляются работы, согласно которым в крепости в 1904 году дислоцировался отряд этих кораблей. Так, польский автор Ю.В. Дискант пишет: «Несмотря на то, что 1-я эскадра имела в своем составе 4 подводные лодки... их не применяли для атак на корабли, участвовавшие в блокаде»². Далее приводятся не только названия («Портартурец», «Петр Кошка», «Губе», «Джевецкий-3»), но и тактико-технические данные этих «потаенных судов»³. А.Е. Тарас, солидаризируясь с Ю.В. Дискантом и при этом уточняя, что в Порт-Артуре находились 3, а не 4 лодки («Портартурец», «Джевецкий-3» и «Петр Кошка»), также сообщает их технические характеристики. Примечательно и его мнение о том, что «диверсионная» подводная лодка «Петр Кошка», построенная Н.Н. Кутейниковым по проекту Е.В. Колбасьева в 1901 году в Кронштадте под личным наблюдением адмирала С.О. Макарова, отражала идеи «беспокойного адмирала», вынашиваемые последним со времен Русско-турецкой войны 1877—1878гг. По утверждению исследователя, в феврале 1904 года судно якобы было отправлено в Порт-Артур, где простояло у причальной стенки без использования⁴, а перед сдачей крепости его затопили в западном бассейне⁵. Вместе с тем биограф С.О. Макарова С.Н. Семанов придерживается иной точки зрения. Он полагает, что лодку действительно «отправили по железной дороге» в Порт-Артур, но в осажденную крепость «она не смогла попасть»⁶. Еще более запутанной ситуация выглядит по данным интернет-сайтов.

Итак, были ли в Порт-Артуре в период его осады подводные лодки, а если были, то в каком количестве?<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Боженко П.* Подводная лодка «Форель» // «Моделист-конструктор». 1990. №9. С. 37. (Впрочем, позже П.В. Боженко поменяет свою точку зрения на противоположную.)

² *Дискант Ю.В.* Порт-Артур, 1904. М.: АСТ, 2002. С. 331.

³ Там же С. 342—344.

⁴ Не совсем понятно почему, ведь именно в это время С.О.Макаров возглавлял Тихоокеанскую эскадру, а строитель лодки Н.Н. Кутейников занимался в Порт-Артуре ремонтом судов.

⁵ *Тарас А.Е.* История подводных лодок 1624—1904. Минск: АСТ, 2002. С. 152.

⁶ *Семанов С.Н.* Тайна гибели адмирала Макарова. Новые страницы Русско-японской войны 1904—1905 гг. М.: Вече, 2000. С.280.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Шеина Анастасия Игоревна —

соискатель ученой степени кандидата исторических наук кафедры истории России Московского государственного педагогического университета (Москва)

«ХРАНИТЕЛЬ ТИШИНЫ И РАВНОВЕСИЯ»

Русская историография первой половины XIX века о характере внешней политики и военно-политической деятельности Александра I в эпоху наполеоновских войн

Начало XIX века в европейской политике ознаменовалось периодом, получившим название «Наполеоновской эпохи», или «Эпохи Наполеоновских войн»¹. События, происходившие в Европе в то время, имели судьбоносное значение для большинства европейских государств и во многом определили направленность их политического развития на последующие десятилетия. В сложном клубке международных противоречий Россия и Франция являлись ведущими державами. При этом в выработке общей внешнеполитической линии этих государств личностный фактор зачастую приобретал решающее значение. Вследствие данного обстоятельства внешняя политика России и Франции тесно увязывалась с именами Александра I и Наполеона, являвшихся теми ключевыми политическими фигурами, от которых во многом зависели вопросы войны и мира на континенте и, следовательно, жизни и судьбы миллионов людей.

Указанные причины обусловили особый интерес историков к изучению характера внешней политики двух императоров. При этом исследователи пытались оценить истинные намерения

политических лидеров, определявших внешнеполитические цели и задачи ведущих европейских государств, оправданность применявшихся ими политических средств, а также выявить степень ответственности Наполеона и Александра I за возникновение военных конфликтов и развязывание войны в Европе. В зависимости от господствовавшей политической конъюнктуры каждое из поколений историков давало своё объяснение событиям и явлениям тех далеких лет.

В отечественной историографии к личности, дипломатии и военной деятельности императора Александра I ученые обращались неоднократно, хотя ему уделялось гораздо меньше внимания, чем Наполеону. Тем не менее без собственных оценок внешней политики российского императора в начале XIX века практически не обходился ни один исследователь наполеоновской эпохи. В течение почти двух столетий оценочные суждения, господствовавшие в нашей исторической науке, неоднократно видоизменялись, порой трансформируясь в свою противоположность. Все это делает актуальным проведение историографического анализа имеющейся по данной теме литературы в интересах объективного освещения внешнеполитической деятельности российского самодержавия по отношению к наполеоновской Франции и другим европейским странам.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

В некоторых новейших исследованиях указанный период хронологически определяется как время от прихода Наполеона к власти в декабре 1799 г. в качестве первого консула Республики до его вторичного отречения от трона 22 июня 1815 г. Сопоставление этого времени с исторической эпохой считается правомерным по масштабам и значимости его для развития европейской истории. См.: *Шейн И.А.* Отечественная война 1812 года: историографическое исследование. М., 2002. С. 59.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

Ширшов Георгий Михайлович —

генерал-майор в отставке, почетный нефтехимик СССР (Москва)

ОНИ СТАЛИ ОСНОВНЫМ КОНТИНГЕНТОМ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

С началом Великой Отечественной войны была объявлена мобилизация на территории 14 военных округов: не призывались лишь военнообязанные из Забайкалья и Средней Азии, а также Дальнего Востока, где в 1941 году функции военного округа выполнял Дальневосточный фронт.

Были призваны военнообязанные 1905—1918 годов рождения. Контингент 1919—1922 годов рождения проходил действительную военную службу. К 1 июля 1941 года было мобилизовано 5,3 млн. человек. В августе 1941 года пришлось провести мобилизацию военнообязанных 1890—1904 и призывников 1923 года рождения. В последующем в Вооруженные силы были призваны военнообязанные 1924, 1925 и 1926 годов рождения. Призывники 1927 года рождения были

последними, призывавшимися на военную службу в ходе Великой Отечественной войны. При этом многим из них не исполнилось еще и 17 лет.

В постановлении Государственного Комитета Обороны от 25 октября 1944 года «О призыве на военную службу призывников 1927 года рождения» говорилось о том, что призыву в ноябре 1944 года подлежали и лица, находившиеся на территории, освобожденной от противника. Зато освобождались от призыва лица «местных национальностей: Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Туркменской, Таджикской, Узбекской, Казахской и Киргизской Союзных Республик, Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской Автономных социалистических Республик, Адыгейской и Черкесской автономных областей».

При этом русские, украинцы, белорусы и представители других национальностей, проживавших на указанных территориях, призыву подлежали.

Из призывников 1927 года рождения 60 тыс. человек направлялось на укомплектование войск НКВД, остальных полагалось сосредоточить в запасных и учебных частях, специальных училищах и школах с 6-месячным сроком обучения. И хотя многим из них довелось и повоювать, основной контингент все же был использован для замены личного состава в ходе послевоенной демобилизации.

Ко дню Победы призывники 1944 года прослужили 8—9 месяцев и в соответствии со статусом медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», предусматривавшем награждение всех военнослужащих, прослуживших в период войны не менее трех месяцев и вольнонаемных — не менее восьми месяцев были награждены этой медалью, на удостоверении о награждении которой была надпись «Участнику войны». Аналогичное награждение было произведено и медалью «За победу над Японией» по персональным спискам.

Демобилизация из Вооруженных сил, согласно принятому 23 июня 1945 года 12-й сессией Верховного Совета СССР закону «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии», началась 5 июля 1945 года, в начале сентября действие закона было распространено на войска, дислоцированные на Дальнем Востоке, последующие этапы демобилизации проводились на основании специальных указов Президиума Верховного Совета СССР. К началу 1948 года демобилизация была в основном завершена: из рядов Вооруженных сил было уволено около 8,5 млн. человек

В строю осталось 3 млн. человек, в основном 1926—1927 годов рождения. Это их теперь называли «основным контингентом» Вооруженных сил, и совершенно справедливо.

Как говорится понюхавшие пороху, прослужившие по 4—5 лет, они являлись подлинными профессионалами своего дела и, на мой взгляд, Советская армия конца 40-х — начала 50-х годов прошлого века была самой сильной в мире. Кадровой основой армии являлся именно последний военный призыв.

Следует отметить и еще одну особенность этого контингента: многие солдаты, успевшие до призыва окончить только 8—9 классов, получили возможность учиться в вечерних средних школах, а затем и в военных училищах, составив значительную часть советского офицерского корпуса, а также не будет преувеличением сказать и генералитета. Кстати, такова судьба и автора этих строк. Рожденный 14 ноября 1927 года, я был призван в РККА после окончания 9 классов 22 августа 1944 года. Военную присягу принял 30 октября 1944 года, то есть еще до достижения 17

лет. В 1951 году окончил военное училище, в 1953-м — вечернюю школу при Доме офицеров с серебряной медалью, в 1959 году — инженерный факультет Военной академии тыла и снабжения с золотой медалью. Прослужил в общей сложности 43 календарных года и уволен в запас 31 декабря 1997 года в звании генерал-майора. До настоящего времени тружусь специалистом I категории в военном представительстве МО РФ.

И мне, как и всем поим друзьям-однополчанам, очень понятны строки Анны Ахматовой из стихотворения, написанного в 1944 году:

А вы, друзья последнего призыва!

Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена,

Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,

А крикнуть на весь мир все ваши имена!³

Впрочем, наше поколение не требовало, чтобы его оплакивали. Мы не чувствовали себя несчастными, несмотря на все тяготы службы и дальнейшей жизни, невзирая на несправедливости правового характера — досрочное увольнение многих офицеров из армии без выслуги лет, лишения ряда льгот, предусмотренных участникам войны. Мы, ныне 80-летние солдаты последнего военного призыва, гордились и гордимся своей долей, так как всегда чувствовали любовь и уважение народа.

Таким образом, призывники 1927 года рождения занимают особое место в истории комплектования нашей армии. Многие были призваны до достижения 17 лет, им довелось составлять в течение долгих 7—8 лет, вместе с призывниками 1926 года рождения, основной контингент Советской армии, так как призывы последующих возрастов после окончания Великой Отечественной войны не производились 6 лет.

В 1992 году в Санкт-Петербурге было создано Общество несовершеннолетних участников войны — ветеранов последнего военного призыва Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В 1999 году общество издало книгу воспоминаний этих ветеранов. К сожалению, резонанса это движение не получило.

На наш взгляд, в истории Великой Отечественной войны последний военный призыв должен найти достойное место.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит по.: Тогда нам было семнадцать. / Сост.: А.С. Тарасов, В.И. Федоров. СПб., Изд-во СПб ГТУ, 1999. С. 201

² Ордена и медали СССР. Воениздат. 1978. С. 164, 175.

³ Журнал «Наука и Жизнь». 1967. № 5. С. 14

Кусаинова Елена Викторовна —

заместитель директора по научной работе Урюпинского филиала Волгоградского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Урюпинск Волгоградской обл.)

Традиции кочевых племен в русском боевом искусстве

На протяжении столетий восточные славяне — Русь — Россия вынуждены были отражать экспансию с запада и сдерживать натиск кочевников с востока. Естественно, в ходе боевых действий совершенствовалось их военное искусство, обогащался арсенал методов и средств вооруженной борьбы. В настоящей статье предпринята попытка показать степень влияния кочевых племен тюркско-монгольского этноса на тактику и вооружение русских дружин и казачества в X—XV вв.

Славяне были знакомы с кочевниками с древности. Ираноязычные киммерийцы, скифы, сарматы, оставили свой след в славянских языках и культуре. В I тыс. н.э. славяне познакомились с тюрками, в IV веке из Азии пришли гунны. После их нашествия в восточноевропейских степях остались кочевать многочисленные племена — акациры, барсилы, сарагуры, уроги, савиры, авары, болгары, хазары и другие¹. Их постоянные боестолкновения как между собой, так и со славянскими племенами были обыденным явлением. В XI—XIII вв. печенеги, черные клобуки, торки, берендеи, находясь на службе у киевских и галицких князей, селились в Южной Руси², смешивались со славянским населением, участвовали в русских междоусобицах, а также в войнах с половцами, поляками, чехами и венграми³. Что касается половцев, то тесные межэтнические контакты и нередкие династические браки способствовали вхождению знатных половцев в состав русского боярства⁴.

Наиболее значительный след в истории русского боевого искусства оставила длившаяся не один век борьба с татаро-монгольским нашествием, а затем с остатками Золотой орды — с Казанским, Крымским и Астраханским ханствами, Ногайской Ордой⁵. Сформировавшееся в XVI—XVII вв. на Дону, Днепре и Волге казачество, переняв от кочевников тактику ведения боевых действий в степи, смогло эффективно противостоять натиску кочевых племен на русских границах.

Надо отметить, что война, боевые столкновения как с целью защиты, так и нападения относилась к числу основных занятий кочевников. Суровый, аскетичный образ жизни, постоянные военные тренировки-учения, своеобразная культура коневодства — все это давало уникальный результат в плане военной подготовки. Г.В. Вернадский, рассматривая монгольскую военную организацию, подчеркнул, что кочевая жизнь развивает необычайную память местности, зоркость и тонкий слух⁶. Основу войска кочевников составляла легкая конница. Вооружение обычно состояло из лука со стрелами, сабли, топора и копья⁷.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 40.

² Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I. М., 1962. С.11, 12.

³ Там же. С. 226—429; Т. II. М., 1962. С. 151—775; Т. IX. М., 1965. С. 170, 171, 212, 213, 218—220; *Плетнева С.А.* Печенеги, торки, половцы // *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья.* М., 1981. С. 214—216.

⁴ ПСРЛ. Т. I. С. 84, 292, 352, 353, 364; Т. II. С. 199, 625, 626; Т.Х. М., 1965. С. 83—86.

⁵ При этом на службу к русским князьям перешло большое количество ордынской знати. В 1446 г. было создано зависимое от Москвы Касимовское ханство, просуществовавшее 200 лет. После завоевания Россией Казанского, Астраханского, Сибирского ханств и установления протектората над Ногайской Ордой местная знать стала поступать на русскую службу или, приняв православие, вошла в состав русского дворянства. В эти же годы стали формироваться войска из казанских, астраханских, сибирских и ногайских татар, удмуртов, башкир, калмыков, бурятов и др. кочевых народов. В XI—XVII вв. в России существовало огромное количество тюркских фамилий и прозвищ, что свидетельствует о широких этнических контактах славян и тюрков.

⁶ *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. М., 2000. С. 117.

⁷ *Плетнева С.А.* Указ. соч. С. 215, 216.

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

ШУГАЛЕЙ Игорь Федорович —

старший преподаватель Тихоокеанского военно-морского института, капитан 2 ранга запаса, доцент (г. Владивосток)

РЕАЛЬНАЯ СИЛА В БОРЬБЕ ЗА ГОСПОДСТВО НА МОРЕ

Первое боевое применение торпедного оружия в ходе Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Во второй половине XIX века на вооружении военных флотов появилось новое оружие — торпеда. В его освоении большая роль принадлежала российским морякам, впервые успешно применившим торпеды в бою. Предыстория же оснащения отечественного Военно-морского флота этим оружием, предназначенным для поражения на расстоянии кораблей противника, обладающих мощной артиллерией и прочной броней, но имеющих незащищенное днище, такова.

В 1860-х годах самую большую известность получил самодвижущийся подводный снаряд англичанина Роберта Уайтхеда, директора предприятия «Стабилименто текнико» в Фиуме. Ему удалось создать самое необходимое устройство для управления этим снарядом, т.е. торпедой — автомат глубины. Кроме того, Уайтхед применил в качестве движущей силы торпеды новый источник энергии — сжатый воздух давлением 60атм. (впервые получен инженером Соммелле в 1859г.). В качестве двигателя использовалась поршневая машина-«компаунд» с двумя качающимися цилиндрами, расположенными под углом 90° и работающими на один кривошип.

Созданный Уайтхедом новый вид морского оружия стал первым в истории человечества автономно управляемым при движении в воде снарядом. Конструирование его системы управления было обеспечено развитием точной механики и математических наук, позволившим произвести расчет методики регулировки автомата глубины (АГ). Именно эта методика и составляла суть секрета. Чтобы избежать ее огласки, Уайтхед не стал брать патент на персональное изобретение, но при приобретении торпед на его заводе отдельным пунктом и за отдельную плату в обязательном порядке производилась и закупка «главного секрета». Поскольку покупателями у Уайтхеда были не частные лица, а государства, он мог рассчитывать на то, что его тайна не будет разглашена. Так, в ВМС Италии до 1885года офицеры (строго ограниченное число), ознакомленные с методикой регулировки АГ, получали особую отметку в личном деле. В российском флоте с чертежами торпед, которые хранились в каюте командира, могли знакомиться только торпедные механики и минные офицеры. Секрет Уайтхеда был обнародован только в конце XIXвека, когда партию его торпед закупил последний крупный флот — американский.

Заказы на завод в Фиуме поступали со всего мира, что позволило наладить массовое крупносерийное производство с постоянным усовершенствованием технологических процессов и конструкции торпед. Например, в 1876году был введён второй винт, что позволило увеличить точность удержания снаряда на курсе.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

КАУК Виктор Васильевич —

начальник Центрального управления ракетного топлива и горючего МО РФ, генерал-майор (Москва)

КУЗНИЦА КАДРОВ СЛУЖБЫ ГОРЮЧЕГО

К 60-летию Ульяновского высшего военно-технического училища

В ходе послевоенного развития Вооружённых сил всё более высокие темпы набирал процесс моторизации, что потребовало не только значительного увеличения поставок горючего в армию, но и совершенствования самой службы горючего, а также подготовки для неё необходимых специалистов.

24 октября 1947 года министр Вооруженных Сил СССР подписал приказ «О формировании военно-технического училища службы снабжения горючим» с дислокацией в г.Черновцы. Первые курсанты численностью 300человек наполовину состояли из старослужащих, прошедших горнило войны. Чтобы ускорить приход в войска специалистов по горючему, в училище организовали курсы усовершенствования офицерского состава (КУОС), выпускники которых внесли существенный вклад в развитие службы горючего. Занятия начались 1 апреля 1948 года. Сейчас эта дата отмечается как день создания училища.

В декабре училище было передислоцировано в г.Винницу (ныне Украина). Здесь в августе 1950 года и состоялся первый выпуск офицеров службы горючего. В августе 1960 года училище перебазируется в г.Ульяновск, а в 1969 году переводится в разряд высших военно-учебных заведений страны. В 1974 году состоялся первый выпуск офицеров с высшим военно-специальным образованием. С 1979 года училище стало выпускать специалистов по двум направлениям — военных инженеров-механиков и инженеров-технологов.

В эти годы стремительно развивается учебная и материально-техническая база училища: строятся новые учебные корпуса, казармы, появился полигон для работы с техникой. В 1987 году в училище была создана научно-исследовательская группа курсантов с перспективой продолжения их обучения в адъюнктуре, в 1991 году для организации научной работы, подготовки научно-педагогических и научных кадров образуется научно-исследовательский отдел, а в 1992 году открывается очная адъюнктура. С 1991 года срок обучения курсантов увеличивается до 5 лет.

В сентябре 1998 года при очередном реформировании системы военного образования Ульяновское высшее военно-техническое училище переводится в статус Ульяновского филиала Военной академии тыла и транспорта, однако опыт показал нецелесообразность такого объединения, и в 2005 году училище вновь обрело самостоятельность.

В 1998 году при училище был создан диссертационный совет для рассмотрения диссертационных работ по научным специальностям: «Тыл Вооружённых Сил», «Специальные топлива и горюче-смазочные материалы». За время существования совета в нем защитили кандидатские диссертации 24 адъюнкта и соискателя. В настоящее время на кафедрах трудятся 22 доктора наук, а также 83 кандидата наук.

Диссертационный совет училища по своему составу является межрегиональным и объединяет научные школы Москвы, Санкт-Петербурга и Ульяновска. Его успешная деятельность способствует целенаправленному сотрудничеству учёных вузов, научно-исследовательских учреждений различной ведомственной подчинённости и обеспечивает подготовку научных и научно-педагогических кадров не только для училища, но и для других структур службы горючего Вооружённых сил РФ.

С 1 июля 2005 года училище перешло на обучение по новым программам. Учебно-воспитательный процесс ведётся с применением современных информационных технологий, компьютеризации и телевидения в соответствии с государственными общеобразовательными стандартами высшего профессионального образования и квалификационными требованиями, определяющими содержание и уровень подготовки выпускника по специальности.

Училище имеет в своем составе пять курсантских батальонов, школу прапорщиков, учебную роту подготовки младших специалистов. Учебные структуры включают 15 кафедр, отделы, службы, батальон обеспечения учебного процесса.

Кафедры обеспечены современной учебно-материальной базой как стационарной, так и полевой, аудитории и лаборатории оснащены новейшими приборами и установками, электронно-вычислительной техникой, действующими макетами, аппаратно-техническими и телекоммуникационными средствами. Также совершенствуется программное обеспечение. Надо отметить, что Центральное управление ракетного топлива и горючего МО РФ придерживается правила: при разработке новых образцов техники первые экземпляры передавать в училище.

Важная роль в организации учебного процесса в УВВТУ традиционно отводится практическим занятиям: полевая база позволяет проводить их на высоком методическом уровне по всем военно-специальным дисциплинам. Кроме того, функционируют войсковая стажировка, производственная практика, также проводятся командно-штабные учения и командно-штабные игры.

Повышению эффективности и качества учебного процесса способствуют активная работа созданных в училище и на кафедрах методических кабинетов, своевременное обобщение и распространение передового опыта лучших педагогов-методистов, командиров подразделений, что достигается оперативным выпуском листов информации по обмену опытом и регулярным проведением показательных занятий с использованием новых технологий обучения.

Обучение курсантов завершается сдачей итогового междисциплинарного экзамена по специальности, разработкой и защитой выпускной квалификационной работы, в которой отражаются проблемные вопросы службы горячего, что помогает выработке у выпускников инженерного мышления, приобретению ими навыков самостоятельной работы. Многие квалификационные работы являются продолжением военно-научных исследований курсантов, все они выполняются с использованием электронно-вычислительной техники, содержат решение конкретных инженерных проблем, а некоторые из них разрабатываются на уровне, позволяющем в дальнейшем развивать их до диссертаций.

Большое внимание уделяется воспитанию курсантов, формированию у будущих офицеров здоровых нравственных и психологических устоев. Этому помогают регулярные встречи с ветеранами училища, участниками Великой Отечественной войны, деятельность коллективов художественной самодеятельности, спортивные занятия.

Ульяновское высшее военно-техническое училище (военный институт) является единственным высшим военным учебным заведением, где готовят офицеров-специалистов по горячему и ракетному топливу для Вооруженных сил Российской Федерации. За 60 лет своего существования в училище подготовлено свыше 16 тысяч офицеров, 41 человек стали генералами. Воспитанники училища ныне составляют костяк службы горячего, успешно трудятся как на низовых, так и на высоких командных должностях, обеспечивая боеготовность Вооруженных сил. Диапазон должностей, на которые получают назначение выпускники училища, обширен и разнообразен: это Ракетные войска стратегического назначения, авиация, Воздушно-десантные войска, Военно-морской флот, Сухопутные войска, трубопроводные части и соединения, военные представительства и т.д.

В разные годы училище возглавляли генерал-майоры И.Р.Лашко (1948—1960), Н.И.Гаретнин (1960—1964), В.А.Турчинский (1964—1978), Е.В.Якушенко (1978—1985), К.И.Баранский (1985—1990), А.В.Швецов (1990—2001). Уже 7 лет училищем руководит генерал-майор А.В. Морохов.

За годы существования Ульяновское высшее военно-техническое училище превратилось в уникальное многоуровневое военно-учебное заведение, обладающее значительным научно-педагогическим потенциалом, хорошо развитой учебно-материальной базой.

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Бандурин Сергей Геннадьевич —

докторант Пограничной академии ФСБ России, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

Клятва на верность

Принятие военной присяги — один из самых торжественных дней в Вооруженных силах. Этот ритуал, превратившийся из народного обычая в правовую норму, имеет давнюю историю. Воинская клятва была известна и свойственна многим народам, в том числе и жившим на Руси. Однако родоначальником военной присяги в России в ее современном понимании был Петр I, лично участвовавший в подготовке текста. В Петровском «Уставе воинском» говорилось: «Кто знамени присягнул единожды, тот у оного до смерти стоять должен».

В Российской Империи (1721—1917 гг.) существовало несколько разновидностей присяги: верноподданническая, военная, служебная и судебная.

По свидетельству А.А. Завьялова, хотя внешне принятие присяги и было обставлено торжественно, но это все же не являлось главным. Главное заключалось в ее идейно-политическом и религиозном значении: призыв Бога в свидетели правды человеческого слова и заклинание, или призывание высшей кары на присягающего, если слово его окажется лживым¹.

К присяге на верность подданству приводились все мужчины, достигшие 12-летнего возраста, всякого чина и звания. Присяга давалась воцарившемуся императору и его наследнику. Каждый приводился к присяге своим начальством, подписывая при этом так называемый присяжный лист. Форма верноподданнической присяги со времени Петра I в сущности не менялась. Начиналась она следующими словами: «Я, нижепоименованный, обещаю и клянусь Всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемиловитейшему Великому Государю Императору [NN], Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику [NN] верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови...».

Служебная присяга имела ту же форму, что и верноподданническая. К ней приводились верноподданные и иностранцы при вступлении в государственную и общественную службу².

Что касалось судебной присяги, то она принималась участниками судебного процесса и преследовала цель предотвратить или минимизировать лжесвидетельство и преднамеренное нарушение существовавших юридических норм.

Военная присяга по существу являлась разновидностью верноподданнической, хотя и имела некоторые незначительные отличия, учитывающие специфику воинской службы.

Нижние чины, приходившие в армию и на флот по призыву, приводились к присяге два раза: непосредственно после поступления на службу и по окончании новобранцами «одиночного образования» (обычно в апреле или мае).

Вторичная присяга, введенная в 1884 году, приносилась в особо торжественной обстановке: в частях, имеющих знамена и штандарты, — под ними; в полевой артиллерии — перед фронтом орудий; в крепостной артиллерии — на главной крепостной стене; в других частях и командах — перед фронтом части.

Присяге предшествовало разъяснение командиром части её значения и чтение статей закона о наказаниях за нарушение клятвы. Так же приводились к присяге части войск при вручении им знамен. Вольноопределяющиеся сразу после зачисления на службу приводились к присяге под знаменами. При производстве в офицеры все вновь присягали.

Мусульмане (магометане) приводились к присяге по особой форме: присягающий должен был, держа два пальца руки на Коране, повторять слова присяги, читаемой духовным лицом, по окончании клятвы целовал слова Корана. Порядок приведения к присяге евреев и форма еврейской присяги были изложены в Уставе духовных дел иностранных исповеданий. В тексте присяги для язычников и лиц, не приемлющих присяги по их вероучению, отсутствовали упоминания о Боге и Священном Писании.

Вот как описывал очевидец принятие присяги в конце XIX века в одном из гвардейских полков русской армии: присягаемые «были собраны в соответствии с религиозной принадлежностью, выстроены в шеренгу, и полковник со знаменем переходил от одной группы к другой. В первой группе, куда более многочисленной, чем прочие, находились православные вместе с полковым священником. Затем шли католики с патером, лютеране с пастором, мусульмане с муллой, евреи с раввином, и в самом конце — два одиноких солдата. При них не было священнослужителя, лишь на маленьком столике лежали их идолы, обращаясь к которым, они, как и их товарищи, приняли присягу»³.

Таким образом, все разновидности присяги в Российской Империи независимо от национальности и вероисповедания присягающих являлись по существу клятвой на верность первому лицу государства — Российскому императору и в его лице своему Отечеству.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Завьялов А.А. О присяге. СПб.: Синодальная типография, 1901. С. 2—6, 11.

² Там же. С. 74.

³ См.: Горохов Ж. Русская императорская гвардия. М.: Рейтар, 2006. С. 10.

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Кузнецов Андрей Михайлович —

докторант Военного университета, капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, доцент (г. Юбилейный Московской обл.)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВОЕННЫХ МУЗЕЕВ В 1918—1991 ГГ.

В настоящее время военно-музейная сеть России находится в стадии поиска наиболее оптимальных правовых и организационных основ своей работы. Под правовыми основами предлагается понимать совокупность нормативных документов как общегосударственного, так и ведомственного уровней, регулирующих процесс функционирования военных музеев, под организационными основами — военные музеи и систему их управления, которые позволили бы с максимальной эффективностью решать поставленные перед ними задачи. Сегодня необходимо использовать опыт прошлого, в котором было накоплено немало полезного и поучительного.

До Октябрьской революции 1917 года российское законодательство по музейному делу и охране памятников старины не имело завершенного и целостного вида и складывалось из отдельных актов, положений и инструкций. Организационно военно-музейная сеть императорской России образовалась во второй половине XIX века. Её отличительной чертой развития было подчинение военных музеев Генеральному штабу Военного министерства. Во главе военно-музейной сети неофициально стояли старейшие военные музеи — Артиллерийский и Морской, которые курировали деятельность других военных музеев, оказывали помощь в создании полковых музеев в частях и на кораблях. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Белова Елена Владимировна —

заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Балашиха Московской обл.)

СУДЬБА БУГСКОГО КАЗАЧЕСТВА. КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XIX ВЕКА

История бугского казачества — одного из самых необычных и своеобразных в России — хранит немало интересного. Впервые упоминание о бугских казаках встречается у российского статистика, историка и географа XIX века Е.Ф.Зябловского, обозначившего их появление периодом Русско-турецкой войны 1768—1774 гг.¹ Долгое время в изучении этой темы историки опирались также на статью В.Лобачевского². Ее автор, прослуживший более 25 лет в приходе села Ольшанки, относившегося к Херсонской епархии, использовал ранее не публиковавшиеся документы, а также предания, повествующие о заграничном происхождении войска.

Аналогичной точки зрения придерживались директор Новороссийского статистического комитета А.А.Скальковский, а позднее — советский болгарист Н.С.Державин, полагавшие, что бугские казаки перешли к нам из османского (турецкого) войска и по происхождению были молдаванами, валахами, болгарами и сербами³. При этом оба они апеллировали к одному и тому же источнику, а именно — указу Александра I от 8(20) мая 1803 года о создании Бугского казачьего войска, по которому можно судить и о его этническом составе⁴.

Однако в конце 50-х годов XX века одесские историки В.А.Загоруйко, И.А.Хиони, основываясь на материалах местных архивов, обосновали вывод о том, что Бугское казачье войско первоначально формировалось на Правобережной Украине, и поэтому ведущим элементом в нем, по их мнению, являлись малороссы, то есть украинцы⁵.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Зябловский Е.Ф.* Статистическое описание Российской империи. Ч. 1, 2. СПб., 1815. С. 120—123.

² *Лобачевский В.* Бугское казачество и военные поселения // Киевская старина. 1887. Т. 19. Декабрь. С. 591—626.

³ *Скальковский А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 1. Одесса, 1836. С. 224, 225; Ч. 2. Одесса, 1838. С. 60, 265; *Державин Н.С.* Болгарские колонии в России. София, 1914. Т. 1. С. 9.

⁴ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ) 1. Т. XXVII. СПб., 1830. № 20754. С. 589—596.

⁵ *Загоруйко В.* По страницам истории Одессы и одесщины. Вып. 1. Одесса, 1957; *Хиони И.А.* К вопросу о происхождении и национальном составе Бугского казачества // Одесское археологическое общество. Записки. Т. 2(35). Одесса, 1967. С. 288—291; *Бачинский А.Д.* Происхождение и состав украинско-русского населения Буджака и низовий Дуная конца XVIII и начала XIX вв. // Там же. С. 136—150.

МУНДИР ОТЕЧЕСТВА

ЗИМИН Игорь Викторович —

профессор кафедры истории Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. академика И.П. Павлова, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

Мундирные платья русских императриц и великих княжон

«Бабий век» российской монархии породил специфическое направление в женской моде — стиль милитари. Этот стиль как явление сложился во второй половине XVIII века при российском императорском дворе и был связан с формированием традиции ношения так называемых мундирных платьев. Дело в том, что русские монархи по традиции являлись шефами тех или иных воинских подразделений и поэтому с полным правом носили форму подшефных полков. Поскольку же на протяжении большей части XVIII века в России царствовали женщины, ими и был создан прецедент появления мундирных платьев.

При Елизавете Петровне в повседневный быт императорского двора вошли маскарады, на которых императрица появлялась затянутой в офицерские лосины. Она вообще любила носить

офицерскую форму, и до нас дошло несколько конных портретов, на которых императрица Елизавета Петровна изображена верхом, в полковничьем мундире шефа лейб-гвардии Преображенского полка. Однако для Елизаветы Петровны, «дщери Петровой», подобный, как сейчас бы сказали, имидж был скорее игрой, продолжением маскарадных переодеваний, поскольку ее права на трон были бесспорны, и она пользовалась устойчивым влиянием в гвардейской среде. Другое дело Екатерина II. В ходе переворота 1762 года императрица Екатерина Алексеевна впервые появилась перед войсками в полной форме офицера¹ лейб-гвардии Преображенского полка¹, возглавив «поход» гвардии на Ораниенбаум, где находился Петр III.

Однако то, что было допустимо в чрезвычайной ситуации дворцового переворота, несколько выбивалось из общепринятых норм повседневной жизни. В результате появившиеся мундирные платья стали своеобразным компромиссом между общепринятыми моральными нормами того времени и стремлением продемонстрировать близость к гвардейским полкам, которые были тогда главной опорой трона. Екатерина II, ликвидировавшая руками Орловых законного внука Петра I, хорошо понимала, что популярностью среди гвардейцев пренебрегать не стоит. Поэтому ее первое мундирное платье было сшито по форме Преображенского полка в 1763 году. Потом появляются мундирные платья по форме Конного полка, Кавалергардского корпуса и последнее — по форме Морского флота в 1796 году. Таким образом, коллекция мундирных платьев императрицы охватывает весь период её царствования². <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этот мундир образца 1720-х годов Екатерина II «заняла» 28 июня 1762 г. у поручика лейб-гвардии Семеновского полка А.Ф.Талызина. В настоящее время он хранится в Государственном историческом музее. См.: *Введенский Г.Э.* Пять веков русского военного мундира. СПб., 2006. С. 42.

² Известно 6 мундирных платьев Екатерины II: по форме Кавалергардского корпуса (1766 г.; цвет платья и его форменное шитье полностью соответствуют цветовому решению и декору формы офицеров Кавалергардского корпуса 1764—1796гг.); по форме лейб-гвардии Конного полка (1766 и 1773г.); по форме Преображенского полка (1763 г. и после 1785г.); по форме морского флота (1796г.). По крайней мере, именно эти платья экспонируются на выставках. Есть упоминания, что в Ливадии также хранится мундирное платье Екатерины II, но его изображений автору не встречалось.

ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ

Григоров Никита Константинович —

сотрудник Министерства электронной промышленности (Москва)

«Летал я, как песчинка... по случайным маршрутам трёх континентов»

Цитата, вынесенная в заголовок, — это выдержка из хранящейся в нашей семье рукописи воспоминаний моего отца, Константина Михайловича Григорова. Родившись на юго-западе России в семье потомственного военного, он затем оказывался то на Волге, то в Сибири, то на Дальнем Востоке. Последующие революционные вихри, закрутившие в огненном смерче человеческие судьбы в охваченной Гражданской войной Российской Империи, куда только не забрасывали отца. Но об этом — более подробно.

Родился Константин Михайлович Григоров в г. Тирасполе 22мая* 1903 года. Он был шестым, самым младшим ребенком в семье капитана 56-го пехотного Житомирского полка Михаила Александровича Григорова. В 1913 году он поступил в кадетский корпус в г. Вольске Саратовской губернии, куда мой дед, а его отец, к тому времени полковник, после окончания Русско-японской войны был назначен уездным воинским начальником. Четыре года спустя — новое место службы Михаила Александровича в г. Барнауле, в связи с чем Константин Михайлович продолжил учебу в 1-м Сибирском имени императора Александра I Омском кадетском корпусе. Там, в Омске и застала отца революция. По его воспоминаниям, в кадетском корпусе под воздействием революционных событий произошел ряд перемен: корпус переименовали в гимназию, а кадетов — в гимназистов; старшие в классах стали выборными; разрешили носить прически; был назначен комиссар; вместо погон с вензелем «А» ввели погоны более скромного вида с трафаретом «ОмК».

Отец часто рассказывал, какие погоны, опушки и вензеля были у разных кадетских корпусов. Он эту тему, по вполне понятной причине, очень любил. В семье часто подтрунивали над ним по этому поводу.

В отцовской рукописи подробно описана реакция кадетов, устроивших демонстрацию в ответ на требование властей снять погоны. О последующих событиях он вспоминал так: «Наконец наш “майорат”¹ дал приказ снять погоны и ознаменовать этот день небольшим беспорядком, а на следующий день погоны по всем правилам похоронить в нашем саду. Беспорядки заключались, например, в том, что мы долго никак не могли построиться на обед, а вообще рота строилась в считанные секунды. Пообедав, каждый, не дожидаясь команды, вставал, делал поклон в сторону дежурного офицера, который тут же обедал с нами за отдельным столиком, и, не взирая на протесты дежурного, уходили из столовой, так сказать, в индивидуальном порядке. Такой беспорядок продолжался один день. На следующий день порядок был восстановлен, и жизнь потекла при соблюдении еще большего порядка, чем это было раньше.

Хоронили мы погоны очень торжественно. На плацу (большом дворе) выстроился весь корпус с духовым оркестром, но, конечно, без официального начальства.

Под звуки траурного марша и хора, распевającego не совсем цензурные «псалмы», несколько человек несли маленький гробик с погонами, позади которого шел кадет, с накинутым, наподобие рясы, одеялом и произносящим соответствующие, тоже нецензурные, возгласы. Впереди шел, одетый под дьякона, другой кадет, неся, вместо Евангелия, «Звериаду»². Все это с точки зрения церкви, имело весьма кощунственный вид. Похоронили погоны в нашем саду, который примыкал непосредственно к Иртышу. Пока проводили эти «похороны» на улице, вдоль забора стояла толпа народа».

Зимой 1918/19 года рота кадет, в составе которой был отец, охраняла резиденцию адмирала Колчака во время его пребывания в Омске. Когда же наступающие части Красной армии стали

продвигаться на восток, учебное заведение было эвакуировано во Владивосток и размещено в казармах на Русском острове. Там 23 января 1920 года отец получил аттестат об окончании гимназии (корпуса) со средним баллом 9,47 при 12-балльной системе. Но радость по этому поводу оказалась кратковременной. Её в ожидании после выпускного вечера направления в артиллерийское училище прервал военный переворот, осуществлённый Меркуловым, возглавившим новое правительство. В связи с неясностью дальнейшей судьбы отец с двумя товарищами решили направиться в Югославию**, воспользовавшись эвакуацией граждан этой страны, бывших солдат австро-венгерской армии, попавших в русский плен.

Эвакуация проводилась морем на английском пароходе «Антилогус» по маршруту: Владивосток — Гонконг — Сингапур — Коломбо — Аден — Суэц — Порт-Саид — Дубровник. Переход длился 60 дней.

По прибытию в Югославию отец зарегистрировался в статусе беженца у русского военного агента и, как выпускник кадетского корпуса, был прикомандирован к ранее эвакуированному сюда соответствующему учебному заведению. Вскоре его мобилизовали и направили (снова морем!) через Босфор и Дарданеллы в Крым, в армию генерала Врангеля. Там он был зачислен юнкером в Сергиевское артиллерийское училище, размещенное в Севастополе, а точнее — в пулеметный расчет, несший караульную службу.

После прорыва Красной армией оборонительной Перекопской линии началась эвакуация Белой армии и гражданских лиц из Крыма. Как следует из воспоминаний отца и других участников этого исхода, происходившего в конце ноября 1920 года, курсанты (юнкера) Сергиевского артиллерийского училища обеспечивали порядок при посадке на корабли. В частности, отец своим пулеметом прикрывал одну из улиц, ведущих к пристани, во время погрузки людей и скарба на трехтрубный пароход «Рион». После ее завершения он тоже успел подняться на судно, одним из последних покинув родные берега.

Но предоставим слово ему самому.

«Сняв с себя всё оружие, и утолив жажду маслянистой водой из кожуха пулемета, — вспоминал он, — я лег на мешок с сахарным песком, поставив карабин у изголовья, и моментально заснул. Проснулся от сильного удара по носу — это упавший от качки карабин мушкой до крови поранил меня.

Сколько я спал, не знаю, но, очевидно, долго. Пароход уже был в открытом море, так что исчезли даже очертания крымских берегов.

Если бы меня спросили об ощущениях покидающего родные места, наверняка бы ответил, что мне только очень хотелось спать. Почему-то навязчиво представлялось, как я растянулся на мягком диване в каюте. Это, наверное, были галлюцинации.

Наш пароход тянул на буксире миноносец, к которому в свою очередь была привязана длинным тросом парусная шхуна. На ней размещалось несколько человек. Поскольку такой «довесок» сильно мешал общему движению, то от него избавились, пересадив тех нескольких пассажиров на миноносец. Печально было наблюдать за тем, как неуправляемая шхуна медленно тонет на наших глазах, подобно нашей надежде на скорое возвращение. После шестичасового хода выяснилось, что на пароходе нет больше угля. Решили воспользоваться запасами миноносца. Стали ведрами перегружать эти запасы, а их оказалось около 4000 т, на «Рион», и, конечно,

основная тяжесть работы легла на плечи юнкеров, так как мы были единственной организованной частью на пароходе.

После перегрузки миноносец, к нашему удивлению, своим ходом пошел в Константинополь, а мы, пройдя еще 5—6 часов, попытались стать посередине моря на якорь, но из-за большой глубины он не достал до дна, и пароход понесло течением к берегам Турции. Кроме того, «Рион» дал опасный крен на правый борт, второпях загруженный больше левого. Возникла опасная ситуация, потребовавшая срочного выравнивания крена. С капитанского мостика раздалась команда бросать в воду вещи, вслед за чем стали поспешно избавляться от корзин, чемоданов и прочего груза. Потеть довелось опять нам, юнкерам, размещенным как раз в носовой части правого борта.

Кто-то из юнкеров попытался спасти ценную емкость — большой бидон со сливочным маслом. Но только он заикнулся об этом, как над его головой прорычал мощный бас: «Молчать!» Урезонил ослушника комендант парохода, бывший комендант Севастополя, генерал Петров. Так что 20 кг сливочного масла пошло на корм рыбам.

Крен ликвидировали за счет багажа спящих по коридорам гражданских лиц. Находилось же на пароходе около 7000 человек, стиснувших один другого так плотно, что продвигаться по палубе было почти невозможно.

Кормили нас какой-то баландой с неочищенным картофелем один раз в день. Да и этого из-за многочисленности пассажиров приходилось долго ждать: обед начинался в 11 часов дня, а заканчивался в 6—7 часов вечера. Ведь пароходный камбуз был рассчитан на небольшое количество людей. Выдавали еще и по мизерному куску хлеба, которого тоже не хватало на всех. Взамен часть людей получали муку, из которой пекли на горячих трубах лепешки, замешанные на морской воде.

Прямо-таки катастрофическое положение было с уборными. Люди, поев, сразу же становились в очередь перед единственным гальюном, не взирая на то, была ли для них в это время надобность в нем или нет. Становились, так сказать, с упреждением. Правда, была сделана импровизированная уборная, огражденная брезентом, но очень скоро это укрытие наполовину разрушило порывами ветра.

Страдали без пресной воды, что, было, пожалуй, самым ужасным. Люди в отчаянии пили морскую воду, отчего многих тошнило. Как говорится, без руля и без ветрил нас несло к неведомым берегам, а в эфир летели сигналы «СОС» — «Спасите наши души». Наконец, на шестые сутки нас взял на буксир американский крейсер, и мы в сопровождении еще двух американских миноносцев прибыли в Константинополь...»

После двухнедельного пребывания беженцев в константинопольском лагере всех их отвезли в Галлиполи, где размещались остатки армии генерала Врангеля. Отцу, не пожелавшему оставаться там, удалось через некоторое время устроиться на пароход «Владимир», отплывавший в Югославию.

Русским беженцам оказывал покровительство югославский король, а его правительство выделяло материальную помощь, позволявшую кое-как сводить концы с концами. Появилась и возможность устроиться на работу или учебу. Отец, к примеру, поступил на агрономический факультет университета в Загребе, получив в 1926 году диплом инженер-агронома. Для того, чтобы определиться на государственную службу, он в том же году принял югославское гражданство. Правда, по специальности работу подыскать не смог, получив назначение в городок

Гнилане, что в провинции Косово, учителем гимнастики и руководителем местного отделения спортивно-патриотической организации «Сокол». Но вскоре, как югославский поданный, был призван в армию, в связи с чем обучался в школе офицеров запаса. Происходило это в 1928 году, о чем он писал так: «Не стану описывать тяжести военной службы; как бывший кадет, я скоро свыкся с казарменной обстановкой и освоил муштру. Например, когда я еще был в пехоте, я так хорошо делал ружейные приемы, что был замечен командиром батальона, в результате чего мне пришлось продемонстрировать свое мастерство перед выстроившимся батальоном. Тяжело было без денег и, так сказать, без базы. Но после моего перевода в инженерию, я продал свое новое зимнее пальто, заимев небольшую сумму на покупку сигарет и еще даже на поддержку одного русского студента, которому и продавать было нечего».

Пройдя в 1930 году лагерные сборы, отец получил звание подпоручика запаса. После этого (с 1930 по март 1941 г.) работал агрономом в госимении и в инспекции шелководства (г. Сомбор), попав еще дважды на лагерные сборы. В марте 1941-го его направили в 34-й пехотный полк югославской армии командиром саперного взвода. Там он и встретил черный день 6 апреля, когда гитлеровская Германия напала на Югославию.

Их полк был выдвинут к венгерской границе, где отец попал в венгерский плен, из которого был отпущен спустя месяц.

На то время город Сомбор с прилегающей провинцией, где проживала наша семья (отец, мама и я девяти лет), был аннексирован Венгрией, и мы оттуда перебрались с двумя чемоданами во вновь образованную так называемую Независимую державу Хорватия (НДХ), в которой к власти пришли местные фашисты (усташи). Формально она не считалась оккупированной территорией, хотя и находилась под протекторатом Германии и Италии. Таким образом, отец стал беженцем в третий раз (из России, из Турции, из Югославии).

На новом месте отец получил назначение районным агрономом в городок Войнич, что в исторической провинции Кордун, населенной преимущественно сербами. Со второй половины 1941 года здесь началось активное сопротивление местного населения, возмущенного бесчинствами фашистов, переросшее в организованную народно-освободительную борьбу. Отец оказывал определённую помощь этому движению, установив контакты с партизанами и антифашистским подпольем.

В начале января 1942 года городок, где мы обитали, был на непродолжительное время освобождён патриотическими силами. По рекомендации партизанского командования отец с семьёй выехал (уже четвертый раз беженец) в столицу НДХ город Загреб, где до окончания войны работал в Министерстве сельского хозяйства. В этот период он также поддерживал связь с движением сопротивления.

Из «Воспоминаний» К.М. Григорова (главы 28 и 29).

«Подавая письменный доклад о том, как я живой и невредимый явился с освобожденной партизанами небольшой территории, мне пришлось проявить прямо-таки дипломатическую виртуозность, чтобы, с одной стороны, не отозваться плохо о партизанах, а с другой — не навлечь на себя подозрений в симпатии к ним.

В один из таких периодов гонения на сербов, я был оставлен замещать начальника уезда, так как никто из присланных больше недели не задерживался. Имея бланки и круглую печать, я стал широко давать пропуска в хорватские села. Успел выдать сотни две пропусков. Но тут с

подписанными мною документами стали задерживать людей, и мне со стороны усташских властей было запрещено выдавать таковые.

Работая в министерстве, я получал от всех иностранных представительств и местных фирм списки, имеющихся у них в складах машин, и имел право контроля над всеми фирмами. Это дало мне возможность отправить бесплатно партизанам по просьбе «оттуда» несколько пар осей для телег и очень удачно «устроить» на партизанскую территорию гусеничный трактор немецкой фирмы «Ханомаг».

После окончания войны, когда была образована социалистическая Югославия, отец среди немногих сотрудников бывшего минсельхоза НДХ был принят в минсельхоз Народной республики Хорватия. Во второй половине 1946 года наша семья на основании соответствующего указа Президиума Верховного Совета СССР (от 14 июня 1946 г.) приняла советское гражданство, а в феврале 1950-го, когда обострились отношения между СССР и Югославией, нас, уже как граждан Советского Союза, югославские власти депортировали из Югославии в Болгарию (беженцы в пятый раз!)

Прошло еще больше пяти лет до долгожданного для отца события: он вместе с семьей по его просьбе возвратился на Родину. Попали мы в Казахстан, в места, где осваивались целинные земли и где отец работал сперва главным агрономом машинно-тракторной станции, а затем в районной сельхозинспекции.

В 1972 году мы переехали в Подмоскowie, в город Зеленоград, где отец спустя 12 лет скоропостижно умер. В конце жизни он был счастлив тем, что обретет покой на родной земле.

* Здесь и далее все даты приведены по новому стилю.

** В то время — Королевство сербов, хорватов и словенцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В Омском корпусе существовало своеобразное «теневое начальство», названное кадетами «майоратом». В него входило 5—6 старших кадет, нередко задерживавшихся в одном классе на два, а то и три года. Великовозрастный, уже с усам, «заслуженный» второгодник или третьегодник и возглавлял «майорат», являясь фактически неограниченным «хозяином» внутрикадетских отношений. Можно было послушаться, например, самого директора или ротного командира, не говоря уже об отделенном офицере (воспитателе), но не послушаться «майора» никто не осмеливался, поскольку это могло повлечь за собой более серьезное, чем официальное, наказание, вплоть до телесного. Оставить же без воскресного отпуска «майор» мог за всякую мелочь. На вопрос воспитателя, почему, мол, сидишь в помещении, выдумывай что угодно, но, боже сохрани, сослаться на повеление «майора», тем более пожаловаться на него. Конечно, официальное начальство обо всем этом знало, но на своеволие начальства «теневого» закрывало глаза, так как бороться с этим произволом было невозможно. Более того, использовало этот произвол для укрепления дисциплины.

² «Звериада» — кадетская «самиздатская» толстая книга в кожаном переплете, хранившаяся в дубовом ящичке, где были записаны все традиции корпуса, а также разные нецензурные поэмы, в основном Баркова. Находилась она в ведении какого-нибудь второгодника-выпускника с последующей передачей кадету 6-го класса за один — два месяца до выпуска. Перед передачей издавался «приказ» о форме одежды по случаю столь важной церемонии. «Когда я был в

последнем классе, — вспоминал отец, — то была следующая форма: парадные с золотыми галунами черные мундиры, а вместо брюк — наши кадетские, наподобие «лосин» фильдекосовые в обтяжку кальсоны, заправленные в сапоги с рыжими голенищами. На голове фуражка с козырьком назад. Под встречный марш духового оркестра «Звериада», которую нёс её хранитель в сопровождении двух ассистентов, выносилась из класса в зал и передавалась коленопреклоненному ее новому обладателю. Наше официальное начальство наблюдало эту церемонию через замочную скважину».

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

СаБУРОВ Леонид Давыдович —

заместитель начальника отдела технических средств Главного управления воспитательной работы ВС РФ, полковник, кандидат исторических наук (Петровское Московской области)

Использование материально-технической базы воспитательной работы в ходе боевых действий советских войск в Афганистане

Воспитательная работа в Вооружённых силах — процесс непрерывный и многогранный. Ведётся она не только посредством слова. Сегодня эта работа требует определённых технических средств, а в частях и гарнизонах даже и соответствующей инфраструктуры. Рассматривая формы и методы использования для воспитательной работы материально-технических средств в ходе боевых действий ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Демократической Республике Афганистан (ДРА) в 1979—1989гг., надо обратить внимание прежде всего на рассредоточенность советских сил на большой территории, главным образом в основных административных центрах и на коммуникациях, по отдельным гарнизонам (около 25 основных гарнизонов)¹. Наиболее целенаправленно для ведения воспитательной работы использовались в ДРА 5 гарнизонных Домов офицеров, 61клуб², радиоузлы и другие средства пропаганды.

Одним из наиболее популярных и эффективных средств идеологического воздействия на личный состав являлось кино. Оно позволяло в короткие сроки в самых сложных условиях организовать отдых военнослужащих, довести до личного состава необходимую информацию.

Кинообслуживание организовывалось не только в местах постоянной дислокации войск, но и на заставах, постах. Широко использовались как художественные, так и научно-популярные и учебные кинофильмы. С учётом специализации личного состава просмотр кинофильмов производился по группам, в несколько сеансов. Большие физические и психологические нагрузки на личный состав потребовали определённых изменений в отборе и определении репертуара картин. Особой популярностью пользовались музыкальные, приключенческие, комедийные ленты, а также фильмы, несущие в себе заряд бодрости, уверенности, оптимизма.

В ходе подготовки к ведению боевых действий в ОКСВ большой интерес вызывали показы кинофильмов, подобранных по определенной тематике, особенно учебные кинофильмы, показывающие тактику ведения боя в горных условиях, проводку в горной местности автомобильных колонн и др. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Военные доктрины и реформы России в XX веке: Материалы науч.-практ. конф. «Российский опыт оборонного военного строительства в XX столетии. Возможности его применения в организации и реформировании Российских Вооруженных Сил». М.: Изд. центр «Ветеран Отчизны», 1997. С.261.

² Архив Института военной истории. Ф. 251. Оп. 402. Д.12. Л.14.

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

Публикация: ДМИТРИЕВА Ольга Руслановна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Н.С. Лесков

Кадетский монастырь

Глава восемнадцатая

Тогда был такой обычай, что для преподавания религиозных предметов кадетам высших классов в корпус присылался архимандрит из назначавшихся к архиерейству. Разумеется, это большею частью были люди очень умные и хорошие, но особенно дорог и памятен нам остался последний, который был у нас на этом назначении, и с ним оно кончилось. Решительно не могу вспомнить его имени, потому что мы звали их просто «отец архимандрит», а справиться о его имени теперь трудно. Пусть этот будет так, без имени. Он был сердового возраста, небольшого роста, сухощав и брюнет, энергический, живой, с звучным голосом и весьма приятными манерами, любил цветы и занимался для удовольствия астрономией. Из окна его комнаты, выходящей в сад, торчала медная труба телескопа, в который он вечерами наблюдал звездное небо. Он был очень уважаем Перским и всем офицерством, а кадетами был любим удивительно. Мне теперь думается, да и прежде в жизни, когда приходилось слышать легкомысленный отзыв о религии, что она будто скучна и бесполезна, — я всегда думал: «вздор мелете, милашки: это вы говорите только оттого, что на мастера не попали, который бы вас заинтересовал и раскрыл вам эту поэзию вечной правды и неумирающей жизни».

А сам сейчас думаю о том последнем архимандрите нашего корпуса, который навеки меня облагодетельствовал, образовав мое религиозное чувство. Да и для многих он был таким благодетелем. Он учил в классе и проповедовал в церкви, но мы никогда не могли его вволю послушаться, и он это видел: всякий день, когда нас выпускали в сад, он тоже приходил туда, чтобы с нами разговаривать. Все игры и смехи тотчас прекращались, и он ходил, окруженный целую толпою кадет, которые так теснились вокруг него со всех сторон, что ему очень трудно было подвигаться. Каждое слово его ловили. Право, мне это напоминает что-то древнее

апостольское. Мы перед ним все были открыты; выбалтывали ему все наши горести, преимущественно заключавшиеся в докучных преследованиях Демидова и особенно в том, что он не позволял нам ничего читать.

Архимандрит нас выслушивал терпеливо и утешал, что для чтения впереди будет еще много времени в жизни, но так же, как Зеленский, он всегда внушал нам, что наше корпусное образование очень недостаточно и что мы должны это помнить и, по выходе, стараться приобретать познания. О Демидове он от себя ничего не говорил, но мы по едва заметному движению его губ замечали, что он его презирает. Это потом скоро и высказалось в одном оригинальном и очень памятном событии.

Глава девятнадцатая

Я выше сказал, что Демидов был большой ханжа, он постоянно крестился, ставил свечи и прикладывался ко всем иконам, но в религии был суевер и невежда. Он считал за преступление рассуждать о религии может быть потому, что не мог рассуждать о ней. Нам он ужасно надоедал, кстати и некстати приставая: «молитесь, деточки, молитесь, вы ангелы, ваши молитвы бог слышит». Точно ему сообщено, чьи молитвы доходят до бога и чьи не доходят. А потом этих же «ангелов» растягивали и драли, как сидоровых коз. Сам же себя он, как большинство ханжей, считал полным, совершенным христианином и ревнителем веры. Архимандрит же был христианин в другом роде, и притом, как я сказал, он был умен и образован. Проповеди его были не подготовленные, очень простые, теплые, всегда направленные к подъему наших чувств в христианском духе, и он произносил их прекрасным звучным голосом, который долетал во все углы церкви. Уроки же, или лекции его отличались необыкновенною простотою и тем, что мы могли его обо всем спрашивать и прямо, ничего не боясь, высказывать ему все наши сомнения и беседовать. Эти уроки были наш бенефис — наш праздник. Как образец, приведу одну лекцию, которую очень хорошо помню.

«Подумаем, — так говорил архимандрит, — не лучше ли было бы, если бы для устранения всякого недоумения и сомнения, которые длятся так много лет, Иисус Христос пришел не скромно в образе человеческого, а сошел бы с неба в торжественном величии, как божество, окруженное сонмом светлых, служебных духов. Тогда, конечно, никакого сомнения не было бы, что это действительно божество, в чем теперь очень многие сомневаются. Как вы об этом думаете?»

Кадеты, разумеется, молчали. Что тут кто-нибудь из нас мог бы сказать, да мы бы на такого говоруна и рассердились, чтобы не лез не в свое дело. Мы ждали его разъяснения, и ждали страстно, жадно и затаив дыхание. А он прошелся перед нами и, остановись, продолжал так:

«Когда я, сытый, что по моему лицу видно, и одетый в шелк, говорю в церкви проповедь и объясняю, что нужно терпеливо сносить холод и голод, то я в это время читаю на лицах слушателей: "Хорошо тебе, монах, рассуждать, когда ты в шелку да сыт. А посмотрели бы мы, как бы ты заговорил о терпении, если бы тебе от голода живот к спине подвело, а от стужи все тело посинело".

И я думаю, что, если бы господь наш пришел в славе, то и ему отвечали бы что-нибудь в этом роде. Сказали бы, пожалуй: "Там тебе на небе отлично, пришел к нам на время и учишь. Нет, вот если бы ты промеж нас родился да от колыбели до гроба претерпел, что нам терпеть здесь

приходится, тогда бы другое дело". И это очень важно и основательно, и для этого он и сошел босой и пробрел по земле без приюта».

Демидов, я говорю, ничего не понимал, но чувствовал, что это человек не в его духе, чувствовал, что это заправский, настоящий христианин, а такие ханжам хуже и противнее самого крайнего невера. Но поделаться он с ним ничего не мог, потому что не смел открыто порицать доброе боговедение и рассуждение архимандрита, пока этот не дал на себя иного оружия. Архимандрит вышел из терпения и опять не за себя, а за нас, потому что Демидов с своим пустосвятством разрушал его работу, портив наше религиозное настроение и доведив нас до шалостей, в которых обнаруживалась обыкновенная противоположность ханжества, легкомысленное отношение к священным предметам.

Глава двадцатая

Демидов был чрезвычайно суеверен: у него были счастливые и несчастные дни; он боялся трёх свечей, креста, встречи с духовными и имел многие другие глупые предрассудки. Мы со свойственной детям наблюдательностью очень скоро подметили эти странности главного директора и обратили их в свою пользу. Мы отлично знали, что Демидов ни за что не приедет ни в понедельник, ни в пятницу, ни в другой тяжелый день или тринадцатого числа; но главное всего нас выручали кресты... Один раз, заметив, что Демидов, где ни увидит крест, сейчас крестится и обходит, мы начали ему всюду готовить эти сюрпризы; в те дни, когда можно было ожидать, что он приедет в корпус, у нас уже были приготовлены кресты из палочек, из цветных шерстинок или даже из соломинок. Они делались разной величины и разного фасона, но особенно хорошо действовали кресты вроде надмогильных — с покрывечками. Их особенно боялся Демидов, вероятно, имевший какую-нибудь скрытую надежду на бессмертие. Кресты эти мы разбрасывали на полу, а всего больше помещали их под карнизы лестничных ступеней. Как, бывало, начальство за этим ни смотрит, чтобы этого не было, а уже мы ухитримся — крестик подбросим. Бывало, все идут, и никто не заметит, а Демидов непременно увидит и сейчас же отпрыгнет, закрестится, закрестится и вернется назад. Ни за что решительно он не мог наступить на ступеньку, на которой был брошен крестик. То же самое было, если крестик оказывался на полу посреди проходной комнаты, чрез которую лежал его путь. Он сейчас отскочит, закрестится и уйдёт, и нам в этот раз полегчает, но потом начнется дознание и окончится или карцером для многих, или даже наказанием на теле для некоторых. Архимандрита это возмущало, и хотя он нам ничего не говорил на Демидова, но один раз, когда подобная шалость окончилась обширной разделкой на теле многих, он побледнел и сказал:

— Я запрещаю вам это делать, и кто меня хоть немножко любит, тот послушается.

И мы дали слово не метать больше крестиков, и не метали, а рядом с тем, в следующее же воскресенье, архимандрит по окончании обедни сказал в присутствии Демидова проповедь «о предрассудках и пустосвятстве», где только не называл Демидова по имени, а перечислял все его ханжеские глупости и даже упомянул о крестиках.

Демидов стоял полотно блее, весь трясся и вышел, не подойдя к кресту, но архимандрит на это не обратил никакого внимания. Надо было, чтобы у них сочинился особенный духовно-военный турнир, в котором я не знаю кому приписать победу.

Глава двадцать первая

Через неделю, в воскресенье, следовавшее за знаменитою проповедью «о предрассудках», Демидов не сманкировал, а приехал в церковь, но, опоздав, вошел в половине обедни. Он до конца отстоял службу и проповедь, которая на этот раз касалась вещей обыкновенных и ничего острого в себе для него не заключала; но тут он выкинул удивительную штуку, на которую архимандрит ответил еще более удивительною.

Когда архимандрит, возгласив «благословение господне на вас», закрыл царские двери, Демидов вдруг тут же в церкви гласно с нами поздоровался.

Мы, разумеется, как привыкли отвечать, громко отвечали ему:

— Здравия желаем, ваше высокопревосходительство! — и хотели уже поворачиваться и выходить, как вдруг завеса, гремя колечками по рубчатой проволоке, неожиданно распахнулась, и в открытых царских дверях появился еще не успевший разоблачиться архимандрит.

— Дети! я вам говорю, — воскликнул он скоро, но спокойно, — в храме божием уместны только одни возгласы — возгласы в честь и славу живого бога и никакие другие. Здесь я имею право и долг запрещать и приказывать, и я вам запрещаю делать возгласы начальству. Аминь.

Он повернулся и закрыл двери. Демидов поскакал жаловаться, и архимандрит от нас выехал, а с тем вместе было сделано распоряжение, чтобы архимандритов впредь в корпуса вовсе не назначали. Это был последний.

Глава двадцать вторая

Я кончил, больше мне сказать об этих людях нечего, да, кажется, ничего и не нужно. Их время прошло, нынче действуют другие люди, и ко всему другие требования, особенно к воспитанию, которое уже не «уединообразивается». Может быть, те, про которых я рассказал, теперь были бы недостаточно учены или, как говорят, «не педагогичны» и не могли бы быть допущены к делу воспитания, но позабыть их не следует. То время, когда все жалось и тряслось, мы, целые тысячи русских детей, как рыбки резвились в воде, по которой маслом плыла их защищавшая нас от всех бурь елейность. Такие люди, стоя в стороне от главного исторического движения, как правильно думал незабвенный Сергей Михайлович Соловьев, сильнее других делают историю. И если их «педагогичность» даже не выдержит критики, то все-таки их память почтенна, и души их во благих водворятся.

Прибавление к рассказу о кадетском монастыре*

В долголетнюю бытность покойного Андрея Петровича экономом 1-го кадетского корпуса там состоял старшим поваром некий Кулаков.

Повар этот умер скоропостижно на своем поварском посту — у плиты, и смерть его была очень заметным событием в корпусе. Кулаков честный человек — не вор, и потому честный эконом Бобров уважал Кулакова при жизни и скорбел о его трагической кончине. После того как Кулаков умер, «стоя у плиты», на смену ему долго не было мужа с такою же нравственною доблестию. Со

смертью Кулакова, при всей строгости досмотра со стороны бригадира Боброва, «просел кисель» и «тертый картофель потерял свою густоту». Особенно повредился картофель, составлявший важный элемент при кадетском столе. После Кулакова картофель не полз меланхолично, сходя с ложки на тарелки кадет, но лился и «лопотал». Бобров видел это и огорчился — даже, случалось, дрался с поварами, но никак не мог добиться секрета стирать картофель так, чтобы он был «как масло». Секрет этот, быть может, навсегда утрачен вместе с Кулаковым, и потому понятно, что Кулакова в корпусе сильно вспоминали, и вспоминали добром. Находившийся тогда в числе кадет Кондратий Федорович Рылеев (14-го июля 1826 года), видя скорбь Боброва и ценя утрату Кулакова для всего заведения, написал по этому случаю комическую поэму в двух песнях, под заглавием «Кулакиада». Поэма, исчислив заслуги и доблести Кулакова, описывает его смерть у плиты и его погребение, а затем она оканчивалась следующим воззванием к Андрею Петровичу Боброву:

*Я знаю то, что не достоин
Вещать о всех делах твоих:
Я не поэт, я просто воин, —
В моих устах нескладен стих,
Но ты, о мудрый, знаменитый
Царь кухни, мрачных погребов,
Топленным жиром весь облитый,
Единственный герой Бобров!
Не осердися на поэта,
Тебя который воспевал,
И знай — у каждого кадета
Ты тем навек бессмертен стал.
Прочтя стихи сии, потомки,
Бобров, вспомнут о тебе**,
Твои дела вспомнут громки
И вспомнят, может быть, о мне.*

Таков и есть Бобров на его единственном карандашном портрете, «царь кухни, мрачных погребов», «топленным жиром весь облитый, единственный герой Бобров».

И еще один анекдот.

Бобров ежедневно являлся к директору корпуса Михаилу Степановичу Перскому рапортовать «о благополучии». Рапорты эти, разумеется, чисто формальные, писались всегда на листе обыкновенной бумаги и затем складывались вчетверо и клались Боброву за кокарду треуголки. Бригадир брал шляпу и шел к Перскому, но так как в корпусе всем было до Боброва дело, то он по

дороге часто останавливался для каких-нибудь распоряжений, а имея слабость горячиться и пылить, Бобров часто бросал свою шляпу или забывал ее, а потом снова ее брал и шел далее.

Зная такую привычку Боброва, кадеты подшутили над своим «дедушкой» шутку: они переписали «Кулакиаду» на такой самый лист бумаги, на каком у Андрея Петровича писались рапорты по начальству, и, сложив лист тем же форматом, как складывал Бобров свои рапорты, кадеты всунули рылеевское стихотворение в треуголку Боброва, а рапорт о «благополучии» вынули и спрятали.

Бобров не заметил подмена и явился к Перскому, который Андрея Петровича очень уважал, но все-таки был ему начальник и держал свой тон.

Михаил Степанович развернул лист и, увидав стихотворение вместо рапорта, рассмеялся и спросил:

— Что это, Андрей Петрович, — с каких пор вы сделались поэтом?

Бобров не мог понять, в чем дело, но только видел, что что-то неладно.

— Как, что изволите... какой поэт? — спросил он вместо ответа у Перского.

— Да как же: кто пишет стихи, ведь тех называют поэтами. Ну, так и вы поэт, если стали сочинять стихи.

Андрей Петрович совсем сбился с толку.

— Что такое... стихи...

Но он взглянул в бумагу, которую подал в сложенном виде, и увидел в ней действительно какие-то незаконно неровные строчки.

— Что же это такое?!

— Не знаю, — отвечал Перский и стал вслух читать Андрею Петровичу его рапорт.

Бобров чрезвычайно сконфузился и взволновался до слез, так что Перский, окончив чтение, должен был его успокоивать.

После этого был найден автор стихотворения — это был кадет Рылеев, на которого добрейший Бобров тут же сгоряча излил все свое негодование, поскольку он был способен к гневу. А Бобров при всем своем бесконечном незлобии был вспыльчив, и «попасть в стихи» ему показалось за ужасную обиду. Он не столько сердился на Рылеева, как вопиял:

— Нет, за что! Я только желаю знать — за что ты меня, разбойник, осрамил!

Рылеев был тронут непредвидимую им горестью всеми любимого старика и просил у Боброва прощения с глубоким раскаянием. Андрей Петрович плакал и всхлипывал, вздрагивая всем своим тучным телом. Он был слезлив, или, по-кадетски говоря, был «плакса» и «слезомойка». Чуть бы что ни случилось в немножко торжественном или в немножко печальном роде, бригадир сейчас же готов был расплакаться.

Корпусные солдаты говорили о нем, что у него «глаза на мокром месте вставлены».

Но как ни была ужасна вся история с «Кулакиадою», Бобров, конечно, все-таки примирился с совершившимся фактом и простил его, но сказал при том Рылееву назидательную речь, что литература вещь дрянная и что занятия ею никого не приводят к счастью.

Собственно же для Рылеева, говорят, будто старик высказал это в такой форме, что она имела соотношение с последнею судьбою покойного поэта, которого добрый Бобров ласкал и особенно любил, как умного и бойкого кадета.

«Последний архимандрит», который не ладил с генералом Муравьевым и однажды заставил его замолчать, был архимандрит Иринеи, впоследствии епископ, архиерействовавший в Сибири и перессорившийся там с гражданскими властями, а потом скончавшийся в помрачении рассудка.

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2008. № 1, 2.

* Печатается по: *Н.С. Лесков. Собр. соч. в 11 т. Т. 6. М., 1957.*

** Вариант: Воспомнут, мудрый, о тебе. (Прим. автора.)

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Публикация: ГУРКОВСКИЙ Владлен Анатольевич — референт Фонда содействия кадетским корпусам им. А. Йордана, полковник в отставке, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. Гурковский

Палец на курке

И все же кому-кому, а нам-то уж точно приходилось держать палец на курке, то есть все время быть начеку, ни на миг не терять бдительности.

Часто случалось так, что противоречия Гражданской войны вдруг открывали врага в том, подозревать кого в чем-либо еще вчера не имелось никакого повода.

Одним из таких оказался Козулич, помощник командира полка Ржежевского. Последнего я посещал довольно часто. Бывший прапорщик, он обладал замечательными качествами командира. Да и общение с ним помимо служебных дел доставляло мне немало приятных минут. Он-то и познакомил меня с Зиной, которая, по его словам, очень заинтересовалась мной.

Жила Зина у своей бабушки на окраине города, у самого Днестра. Почти ежедневно она навещала свою замужнюю сестру, в доме которой квартировал мой друг Ржежевский. Здесь я встречался с приглянувшейся мне девушкой и по вечерам провожал её пустынными улицами по-военному настороженного города к её дому.

Жизнерадостный и веселый нрав Зины иногда подавлялся глубокой печалью. По ту сторону Днестра, о чем она поведала, находились ее родные. Оставив учебу в Одессе, вернуться к ним она не могла, поскольку их разделила превратившаяся в границу река. Не раз Зина вслух мечтала о том дне, когда она сможет попасть в отчий дом. Я ее утешал и убеждал, что этот день недалек, что

наступит время, когда Днестр перестанет разъединять советские семьи. К моим утешениям она относилась недоверчиво, а как-то, будто невзначай, спросила:

— Разве вы не в состоянии дать разрешение и переправить меня в Бессарабию?

Я, насторожившись, ответил шуткой и перевел разговор на другую тему.

Однажды, оказавшись впервые в ее комнате, я обратил внимание на два фотоснимка. На одном — студент, на втором — поручик. Но это было одно и то же лицо. Фотоаппарат запечатлел самодовольное, с высокомерным взглядом обличье Козулича. Зина, заметив мой интерес, почему-то нервничая, стала объяснять про давнишнее знакомство с ним.

В один из дней, после того как революционным судом казнили провокаторов и убийц, засланных атаманом Григорьевым, о чем распространился слух по городу, ко мне ввели Зину, просившую принять ее по срочному и важному делу. Поблекшее лицо и заплаканные глаза девушки свидетельствовали о проведенной ею бессонной ночи.

— Ради бога!.. Вы же знаете... За что такое несчастье свалилось на меня?.. Скажите... Неужели его не пощадили?.. Такой не может быть виновным... Он жив или расстрелян? — после короткой паузы начала она выдавливать из себя прерывистые фразы.

Я вспомнил портреты Козулича, вчерашнюю картину, как он стоял на митинге рядом с Гриневичем, и сообразил, что речь идет именно о нем. Все же я уточнил.

— Вы о Козуличе? Но почему он должен или может быть расстрелян?

Рыдая, она отвечала:

— Не мучьте меня. Вы же знаете, что с ним... Он ведь просто исчез.

При этих словах встревожился и я. Неужто он, Козулич, и Гриневич — одного поля ягоды? Не скрылся ли он вместе с Гриневичем, опасаясь разоблачения?

Оставив Зину в штабе полка, я заторопился к Ржежевскому. Мое сообщение настолько ошеломило завтракавшего комполка, что он, забыв про еду, вместе со мной отправился в штаб.

Вскоре стали проясняться некоторые подробности чрезвычайного происшествия.

Накануне, сразу после митинга, Козулич с неизвестным пришел в штаб и приказал оседлать двух коней. Пока исполнялось его приказание, он, опять же вместе с неизвестным, находился в кабинете. Уезжая, Козулич сказал, что скоро вернется.

Так как дверь кабинета исчезнувшего помкомполка оказалась закрытой, пришлось ее взламывать. Нашему взору предстал вскрытый сейф: деньги и документы из него исчезли.

Не оказалось Козулича и в месте его проживания, причем хозяйка сообщила, что её квартирант и гость выехали по срочному делу. В комнате все свидетельствовало о спешных сборах.

Мы уже покидали жилье, но тут я обратил внимание на вешалку, вернее, на один из ее колышков. Тот держался в гнезде при помощи бумажного клочка. Когда я выдернул его, на меня пахнуло женскими духами. Надушенной была бумажка. Расправив ее, прочел следующее: «Любимый. Вне

моих сил жить в одном городе и не видеть тебя. Встречи с посторонним мне человеком только огорчают, а результатов не дают. Отзовись! Как всегда, безропотная и любящая З.».

Сомнений не было — записка принадлежала Зине. Да она и не отрицала этого, когда ее стал допрашивать Ржежевский. Созналась также в том, что Козулич — ее жених. С ним она должна была бракосочетаться, перебравшись затем в Бессарабию. Чтобы приблизить столь желаемое, Козулич посоветовал ей познакомиться со мной, понравиться и добиться содействия в переправе через Днестр. Пока же решили не встречаться. Но бесплодные встречи со мной при разлуке с женихом усиливали ее тоску, и она написала ему письмо. Ответа не получила, что вызвало беспокойство. Тайком направилась к Козуличу, где и узнала, что жених исчез. А тут поползли ужасные слухи о расстреле григорьевцев. Обеспокоенная, она и пришла в штаб.

Зину мы отпустили.

Только поздно вечером я лег отдохнуть, но уже в полночь мой крепкий сон потревожил телефонный звонок: с заставы сообщали, что при попытке переправиться на челноке через Днестр задержан неизвестный.

Минут через тридцать у моего стола стоял небольшого роста, неопределенного возраста человек с вытянутым лицом и беспокойными глазами. Он дрожал и угодливо отвечал на вопросы, многословно, путано, перескакивая с одного факта на другой. Я предложил ему изложить показания письменно. Вот что он сотворил.

«Я прекрасно понимаю, — изливал свою беду задержанный, — что только искренним и правдивым сообщением могу облегчить свою участь. Поэтому без утайки пишу все, что мне известно и что соответствует действительности. Мне, Мунтяну Григорию Сергеевичу, 34 года. Я уроженец города Бендер, из обрусевших молдаван. Проживал в Тирасполе, где у нас имелось недвижимое имущество. По образованию музыкант. До революции в течение ряда лет руководил оркестром купеческого клуба. После смерти отца наследовал торговлю фруктами и овощами.

С установлением советской власти контора и ее филиалы в Приднестровье прекратили свое существование. Недавно дом мой национализировали, и меня привлекли к трудовой повинности. Мой поступок невозможно объективно оценить, если не учесть, что я неизлечимо болен, поэтому я не женат и не служил в армии.

Выпавшие на мою долю материальные и иные лишения стали мне не под силу. Такое настроение совпало с предложением организовать мне переправу через Днестр в Бессарабию. Исходило оно от бывшего городского головы Кирилюка, который отбывал со мной трудовую повинность. За это я обещал расплатиться четвертью моего капитала, хранившегося в Кишиневском банке. Вскоре договорились о подробностях. По указанию Кирилюка я приехал в Дубоссары и в ожидании переправы поселился у вдовы своего служащего. Появляться в городе мне было нельзя, да я и не мог, так как заболел.

Находясь в постели, я невольно слышал разговоры, что велись за тонкой перегородкой. Это не может не заслуживать вашего внимания. Однажды старуху навестили трое. Она накрыла гостям стол, а сама ушла в сад. Один из них, говоривший на ломаном русском языке, по-видимому, румын, рассказывал, что королевское командование возмущено дерзким налетом красных из Дубоссар на бессарабскую сторону. По его словам, красные взяли большие трофеи и трех офицеров пленили.

Командование предложило ответить тем же — взять в плен и переправить в Румынию хотя бы одного красного командира. Такая возможность есть, все подготовлено. В этот дом к девушке по вечерам приходит комиссар. Его надо связать и на лодке переправить через Днестр. Лодка подготовлена. Дальше тянуть нельзя. Собеседники обещали в ближайшие два—три дня поручение выполнить.

Затем тот же голос потребовал ускорить взрыв ваших боеприпасов, которые сложены в помещении табачной фабрики. Взрывчатка, информировал он, доставлена друзьями и упрятана в доме, где живет один из командиров. Чекисты с обыском не сообразят туда адресоваться. Не раз я слышал, как старуха упрекала свою внучку за то, что та, будучи невестой, гуляет с комиссаром. Внучка отвечала, что так надо, жених на нее не в обиде.

Вчера днем мне предложили быть наготове, а ночью пришли за мной. Когда я со своим проводником подошел к лодке, нас заметил патруль. Лодочник и проводник скрылись, а меня задержали. Я хочу быть правдивым и полезным вам. Мне кажется, ошибки не допускаю, что голос изъяснявшегося плохо по-русски и того представителя власти, который приходил на наши принудительные работы в Тирасполе, принадлежит одному и тому же лицу, несомненно, румыну».

Я сопоставил рукописи и устные показания Мунтяну с имевшими место фактами и пришел к выводу, что они соответствуют действительности. В самом деле, откуда он мог знать детали нашей вылазки на бессарабский берег, автором и инициатором которой был Клочко. Она явилась ответной акцией на то, как на наших глазах румынские жандармы и солдаты избивали крестьян, которые вместе с дубоссарцами приветствовали вступление в город полка.

Правдиво излагались подробности и в отношении меня. В беседе с Недолуженко и Ржежевским показания Мунтяну были всесторонне обсуждены. Не вызывало сомнений, что Козулич использовал девушку для того, чтобы создать мне ловушку. Для этого понадобилась и роль жениха. Ясно стало, что Козулич имеет не только контрреволюционные, но и шпионские связи. Долго мы размышляли о том, где, в каком доме хранится взрывчатка. Вновь для уточнения допрашивали Мунтяну. Во время разговора с ним Недолуженко встал со стула, ударил себя по лбу и воскликнул:

— Хлопцы! Вроде догадался. Взрывчатка, возможно, у меня лежит. Хозяева мои с душком, да и ходит к ним черт знает кто. Я же целыми днями дома не бываю, комната не закрыта, мебели хозяйской полно. Очень удобно хранить в ней взрывчатку да за моей спиной скрываться. Не сразу подумаешься до такой вражьей хитрости.

Невероятное оказалось фактом, догадка Недолуженко подтвердилась. В платяном шкафу хозяев, которого Недолуженко и не касался, в коробке из-под шляпы покоились динамитные шашки. Не менее нас удивило и другое. На бумажной обертке динамита, в углу наискось была надпись: «Исполнение доложить». И вновь красовался зловеще знак, которым была помечена записка о восьми коммунистах полка, приговоренных к смерти.

Выглядело все это странновато, как в приключенческом романе. Но факт налицо, и его приходится взвешивать и оценивать. По-прежнему для нас оставалось тайной, кто подписывается таким образом. Однако несомненно, что автором подписи является лицо, принадлежащее к контрреволюционной организации, центр которой находится за пределами Дубоссар.

Мунтяну я не стал задерживать в Дубоссарах, отправив его в Тирасполь, где он еще мог пригодиться чекистам. Сам же воспользовался тем, что ко мне прибыл назначенный поармом 3-й Украинской армии помощник, и с группой батальонных представителей выехал в Ананьев. Необходимо было помочь ананьевским товарищам, чтобы представители крестьянско-красноармейской массы воочию увидели, как и по каким каналам в полк просачивается вражеская клевета. Этим самым выполнялось и решение полкового собрания.

Прибыли в Ананьев в напряженные дни, когда ядовитой и опасной мутью разлился на юге Украины мятеж Григорьева. Вскоре из Одессы за своим «баткой» последовал полк под командованием Козакова. Вырвавшись из города, бандиты свой путь отмечали погромами, убийством партийных и советских работников, грабежами и пьяным разгулом. С каждым часом они приближались к Ананьеву, который мог противопоставить многочисленным и хорошо вооруженным бандитам около ста партийных и советских работников, включая и мою группу бойцов. Кроме различных марок винтовок и нескольких гранат, сводный отряд ничем не располагал.

От бессонных ночей, непрерывного патрулирования и разведки люди устали, но пытались сохранять бодрость. Меня ввели в штаб обороны. В первую же ночь я патрулировал по замерзшему городу с писателем, старым большевиком П. Бляхиным. В Ананьев из Одессы он прибыл по делам, которые свелись к патрулированию с винтовкой в руках. Видимо, острые положения и сложные переплеты, в которые приходилось попадать Бляхину, и помогли ему создать впоследствии популярных «Красных дьяволят».

Бессильные что-либо предпринять против бандитов, по нескольким дорогам рвавшимся к Ананьеву, мы после разведывательных стычек город оставили. Обыватель покинул улицы и робко выглядывал из окон и дверей. Над городом нависла зловещая тишина, которая вскоре сменилась громыханием орудий, стуком колес, топотом копыт, выстрелами, пьяными оргиями козаковцев. Жители притихли в страхе.

В столь тяжелые для горожан часы особую находчивость и отвагу проявил пятнадцатилетний Шура Литвинов, приехавший из губернского центра для организации молодежи. Вместе со своими сверстниками он, пытаясь отвести от еврейских семей беду обычных в подобной ситуации погромов, на домах, где жили эти семьи, рисовал кресты, которые должны были означать, что в доме живут православные. Других переселили в русские и украинские дома. Когда же ночью козаковцы, рыща по улицам, стали врываться в квартиры, убивать и насиловать ни в чем не повинных людей, а дворы и мостовые стали покрываться перьями вспоротых подушек и перин, на окраине города раздались взрывы, прокатилась стрельба — этим вездесущая горстка ребят вызвала среди бандитов тревогу и отвлекла их от дальнейшего погрома.

Тщательно, дерзко и неуловимо Шура, выполняя мое поручение, разведывал действия козаковского штаба. На следующие сутки банда была изгнана из Ананьева при помощи прибывшего к нам одесского подкрепления. Советские и партийные органы энергично устраняли последствия бандитского налета, а я стал интересоваться всем тем, что связано с козаковцами. Шура сообщил мне о них ряд интересных сведений. В частности о том, что штабной экипаж у одного из домов на Дворянской улице высадил раненого.

С наступлением темноты Шура показал мне место, где нашел приют козаковец. Добротный особняк был мне хорошо известен. Он вызвал свежие воспоминания о его хозяине, Николае Жмыхове, который для меня олицетворял контрреволюцию со всей ее жестокостью, подлостью и

мерзостью. Войну при царе Жмыхов завершил в чине капитана со многими наградами за храбрость. При Керенском служил в батальоне смерти, у гетмана ему доверили уездную полицию, у Петлюры он командовал карательным отрядом по уничтожению партизан. Не раз я и сам спасался от его преследований при помощи крестьян. Прогремевший на всю Европу кривоозеринский погром, во время которого девушек насиловали, а затем возили на кладбище и под тосты умертвляли, проходил при руководящем участии Жмыхова.

Не случайно, думалось мне, раненый доставлен в такой дом. Неужели сам Жмыхов? Если не он, то это, безусловно, кто-либо из его друзей.

Не раздумывая, я со своим молодым спутником зашел в особняк Жмыхова. Встретила нас старуха, мать хозяина, весьма своенравная женщина. Слезливо и клятвенно она заверила, что после оказания первой помощи раненому козаковцу его сразу же увезли. Куда? Она, дескать, знать не может.

Шура в свою очередь клялся честью, что старуха вводит меня в заблуждение. Он категорически утверждал, что вторично за раненым экипаж к дому не приходил. Пришлось провести тщательный обыск, во время которого нашли использованные вату и бинты. Среди многочисленных бумаг, обнаруженных в письменном столе Жмыхова, мое внимание привлек измятый конверт с обратным одесским адресом богатого ананьевского помещика Флоринского.

Ломая голову над тем, куда перепрятали козаковца, я вспомнил, что моя сестра Елена училась с младшей сестрой Жмыхова. Ей я и поручил выведать у своей сверстницы все, что только возможно. На находчивую, смелую и настойчивую сестру я мог положиться. Уже на следующий день она мне сообщила, что в то время, когда козаковца мы искали у Жмыховых, он преспокойно лежал в погребе соседского дома, однако сейчас его снова куда-то переправили. Тотчас же я вновь явился к Жмыховой, а с ней к соседу, бывшему акцизному чиновнику, и сразу же спустился в погреб. Следы пребывания в погребе раненого лишили акцизного возможности запереться, и он признал, что раненый, укрытый сеном, увезен на крестьянской подводе в Рай.

Рай — необычный монастырь, расположенный невдалеке от города. История и роль Рая в советское время заслуживает внимания. Основал монастырь и назвал его Раем монах Кицканского монастыря (вблизи Бендер) молдаванин Иннокентий. В монастыре он нес почетную обязанность хранителя церковных ключей. Пользуясь этим, однажды вместе с дородной паломницей проник в алтарь, где греховодников и обнаружили блюстители благочестия. За грехопадение, тяжкое осквернение храма настоятели монастыря со всей яростью обрушили на Иннокентия свою кару. До полусмерти избитого ключаря заточили в келью. С той поры хлеб и вода стали его единственной пищей. Смириться с положением заключенного, с голодом и неизвестным будущим Иннокентий не мог и из монастыря бежал. Монах-беглец отличался богатырским телосложением, густой черной, как смоль, бородой и на редкость сочным бархатным басом. К тому же он обладал неиссякаемой энергией, неодолимым упорством и редкой способностью подчинять и покорять себе людей.

Властолюбивый и смысленый монах решил создать свой монастырь, но без ненавистных ему нравов и порядков — монастырь, в котором монах и монахиня находились бы под одной крышей, где бы любовный плод не был запрещен, а служба велась на родном молдавском языке. Иннокентий считал, что бог, сотворив мир, создал рай как образец монастыря, монастырской организации. И именоваться такой монастырь должен не иначе как Раем.

И пошел с посохом и своей идеей по молдавским селам неистовый Иннокентий. Забитому попом и урядником молдаванину пришлось по душе идея Рая. Не отвергли ее и богатеи. Так потекли в карман Иннокентия обильные приношения. Вскоре между станцией Барзула (впоследствии Котовск) и Ананьевым в невиданно короткий срок возник вместе с громадным хозяйством этот самый земной Рай.

Церковь, монашеские покои, гостиницу окружали амбары, винные подвалы, скотные дворы, виноградные, табачные, кукурузные и подсолнечные массивы. Многочисленные монахи и монахини в ежовых руках Иннокентия превратились в послушных, не знающих отдыха от работ и молитв батраков. Вместе с тем весть о Рае обошла всех молдаван. Церковная служба, проходившая на их языке с невиданной торжественностью, собирала богомольцев из самых отдаленных мест.

Богослужение и проповеди Иннокентия доводили прихожан до экстаза. Завершалось моление, как правило, тем, что настоятель с амвона пригоршнями бросал в толпу верующих медяки. Популярность монастыря росла, и вокруг Иннокентия ходили легенды. Все это приводило церковников в бешенство, и они в конце концов добились того, что Иннокентия арестовали, судили и сослали в Соловки, а монастырь объявили под запретом.

Однако родной брат заточенного в Соловки Иннокентия продолжил его дело, правда, стал действовать более осмотрительно. Чтобы ему не препятствовали, он отказался от братовой гордыни, щедро одаряя церковных владык и полицейское начальство. Когда же грянул февраль 1917-го и Иннокентий в ореоле мученика вернулся в Рай, то вновь отказал церковникам в праве вмешиваться в его монастырские дела. Став перед фактом частой смены властей, он решил не признавать и Советы. Даже немцы-оккупанты, попытавшиеся было разместиться в Раю, но атакованные обезумевшей толпой, вооруженной иконами и хоругвями, решили полюбовно договориться с Иннокентием. В советское время Рай превратился в гнездо контрреволюции, убежище для бандитов и дезертиров, в рассадник антисоветских слухов и клеветы.

В этакий-то приют и вела нас дорога в поисках таинственного козаковца. Иннокентия тогда в живых уже не было: в борьбе за власть его отравил младший брат-конкурент. При этом не сбылось иннокентьево пророчество о том, что он, подобно Христу, после смерти воскреснет. Почти пять суток верующие в молитве ожидали чуда, но, так и не дождавшись, предали своего уже изрядно смердящего настоятеля земле.

Крутым нравом прославился после братоубийства и новый главарь Рая, поэтому председатель уездного ЧК Панасенко-Жданов и я отправились к нему во всеоружии, в сопровождении отряда человек в тридцать. Встретили нас более чем враждебно. Каждое движение, каждый шаг монахи сопровождали выкриками, проклятиями и угрозами. Но все же дали осмотреть помещения по нашему выбору, что ни к чему не привело.

Сноситься с монахами приходилось через переводчика, так как они или не знали, или не хотели понимать русский язык. Так ни с чем возвращаясь в город, километрах в семи—восьми от него, у села Гандрабур, мы внезапно оказались обстрелянными. Прямым попаданием в голову был напал убит ехавший со мной рядом донецкий шахтер Панасенко-Жданов, прекрасный большевик. Тело убитого я отправил в Ананьев, а сам с большей частью отряда задержался у председателя волостного ревкома Цуркана, на территории которого располагался Рай.

Цуркан, мой друг и соратник по партизанскому отряду, выслушав мой рассказ о неудачной операции в Раю, не удивился и сказал, что действовать нужно по-иному, через близких и верных ему людей в этом притоне. Задержавшись по его совету, вечером следующего дня мы в сопровождении Цуркана вновь направились в монастырь. Двигался отряд осторожно, весьма скрытно и у монастыря, в винограднике, притаился. Цуркан же скрылся в темноте. Ждать пришлось недолго. За нами пришел небольшого роста монах и жестом предложил следовать за ним. Через лаз в ограде отряд проник в объятый ночной тишиной двор. Монахи спали. Издали доносились звуки колотушек сторожей.

В определенных Цурканом местах выставили посты, а основная группа подошла к винному подвалу. Стали спускаться в него. Впереди шел монах с Цурканом, освещая путь свечами, а сзади я с тремя чекистами. В таинственном полумраке проходили мимо чудовищно громадных бочек. Ощупью шагая, приблизились к незаметной двери. Монах открыл ее и пропустил меня с Цурканом в небольшую комнату, сплошь устланную молдавскими коврами.

Подвешенные к стене огромные лампадки создавали полумрак, в котором без труда можно было видеть кровать и лежащего на ней обросшего бородой мужчину. У его ног, сидя, спала монашенка. Лежавший нас заметил, и рука его скользнула под подушку, но было поздно: дуло моего пистолета коснулось его виска. Цуркан извлек из-под подушки маузер и поднес огарок к лицу разыскиваемого. Моему изумлению не было предела. Сомнений нет, перед нами — Гриневич. И запущенная борода не могла изменить столь характерное, обезображенное шрамом лицо.

Не нарушая монастырского покоя, отряд как явился, так и оставил Рай незамеченным, без задержки прибыв в город.

Следует сказать, что Рай, ставший осиным гнездом контрреволюции, ликвидировал в 1920 году ананьевский сводный отряд под командованием уездвоенкома П.С. Уральяца. Более позднему поколению молодежи он, по меткому выражению «Комсомольской правды», известен как отец московской команды «Динамо». Во время ликвидации Рая погиб председатель Ананьевского уездвоенкома Аносов.

Гриневича поместили в больницу. Сквозное ранение в грудь при плохой обработке раны и неблагоприятном лечении создало прямую угрозу его жизни. Вскоре, когда врачи разрешили, я навел его своего старого знакомого. Не успел я присесть на табурет, как Гриневич приглушенно заговорил:

— Допрашивать пришли? Не стал бы с вами говорить, если бы не был заинтересован в разговоре сам... Сестру и няню не удаляйте... На вопросы отвечать не буду. Слушайте, что сам скажу. Умиравшему терять нечего... Что не удалось сделать в Дубоссарах, сделала Одесса. При уходе из Одессы ранен вашими. Я русский офицер, боролся и умираю за Русь... С григорьевским сбродом шел вместе, чтобы бороться с коммунистами... Все равно, чьими руками валить совдепию.

Гриневич, закашлявшись, тяжело дышал, его глаза оставались полуоткрытыми. Я молча выжидал.

— Надеюсь, что этим честь мундира русского офицера не запятнал... — продолжил он после паузы. — Мне не хотелось умереть григорьевцем, быть может, родные и близкие узнают правду.

Я достал список восьми коммунистов, показал его Гриневичу и спросил:

— Вам знаком этот список? Что означает в конце поставленный знак? Кто им подписывается?

Какую-то минуту он колебался, но затем, отведя глаза в сторону, ответил:

— Рисунок — наш. Работа — григорьевцев.

— Настаивать не буду, — ответил я, — но, может быть, объясните, какая судьба вас занесла в дом Жмыхова?

Гриневич дернулся, его взгляд выразил тревогу.

— Козулич и Жмыхов еще дадут о себе знать, — ответил загадочно.

После этого он отвернулся к стене и сделал вид, что заснул. Примерно через неделю Гриневича не стало. В это время в Ананьеве работала комиссия губкома партии, которая, в частности, интересовалась всем, что относилось к козаковцам. Я не раз встречался и беседовал с членами комиссии, которые, как и я, пришли к выводу, что в Одессе и губернии действует офицерско-помещичья контрреволюционная организация.

Комиссия признала целесообразным направить меня в губчека для участия в раскрытии и ликвидации этой организации. Я не возражал, губком с комиссией согласился, и вскоре я прибыл в Одессу, где включился в работу губчека.

* Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2008. № 1.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Публикация: Ясман Зинаида Даниловна —

ведущий научный сотрудник Государственного исторического музея, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

В.М. Догадин

Моя служба в 4-м понтонном батальоне в 1906—1908 гг.

С моим переездом из Киева в Петербург для держания экзаменов в академию у нас с Марией Васильевной началась весьма интенсивная переписка. За четыре месяца мною было написано около ста писем и столько же получено ответов. В среднем каждый день получалось и писалось по одному письму. Иногда случалось и по два. Это происходило тогда, когда письмо приходило из Киева не до, а после отправки моего письма.

В одном из первых же писем Мария Васильевна сообщала мне, что хочет мне написать что-то важное, когда узнает об успешном окончании экзаменов в академию.

Впоследствии она мне рассказывала, что в первую же субботу после моего отъезда в Петербург по установившейся при мне традиции она поехала со своей старшей сестрой в военное собрание. Там ее сразу же окружили офицеры и, пользуясь отсутствием «охраны» с моей стороны,

бросились наперерыв приглашать на танцы. «А меня, — рассказывала она, — охватила такая тоска, что я расплакалась и упростила встревоженную сестру Наташу ехать домой». Больше она уже не ездила на танцы. Наконец, я сдал последний экзамен и поспешил уведомить об этом Марию Васильевну. В ответ получил ее поздравление и сообщение о том, что она не станет ждать окончания академии, а согласна повенчаться теперь же. В этом же письме Мария Васильевна предложила мне написать официальное письмо ее родителям с просьбой дать согласие на наш брак.

Письмо я написал, письменное согласие родителей получил. В их письме также сообщалось, что за моей невестой мне не следует ожидать никакого приданого. Я им ответил, что ничего и не жду.

Но вот тут началось самое трудное: я вплотную подошел к препятствиям, ограничивавшим право офицеров на женитьбу. С точки зрения возраста проблема решалась легко, так как через 2 месяца мне исполнялось 24 года. А вот внести залог (реверс) в сумме 5000 рублей я не мог и в связи с этим безуспешно днем и ночью ломал голову, как выйти из сложившегося положения. Написал даже письмо дяде, который считался состоятельным, но получил ответ, в котором он сообщал, что, похоронив жену, все свое имущество роздал родственникам и теперь у него ничего нет.

А между тем так волновавший меня вопрос разрешился неожиданно и очень просто.

Находясь в унылом настроении от душевных переживаний, я однажды случайно увидел, как мой сотоварищ по классу поручик Б.А.Борейко во время перемены между лекциями о чем-то разговаривает с нашим курсовым штаб-офицером. В конце разговора Борейко вручил последнему какую-то бумагу. Заинтересовавшись увиденным, я спросил у товарища, о чем это он беседовал со штаб-офицером? «А это я передал ему прошение на высочайшее имя относительно разрешения жениться без внесения реверса», — ответил тот. «Расскажите мне, как это вы сделали, потому что у меня такое же положение». «Да что Вы! — воскликнул Борейко. — Поздравляю, поздравляю! А с прошением дело обстоит очень просто: идите к писарю нашей академической канцелярии, дайте ему всего 3 рубля, из которых он израсходует полтора рубля на марку к прошению, остальные пойдут ему в вознаграждение, и прошение будет готово».

Не могу сказать, на каком небе я себя почувствовал от радости после этих слов. Тотчас же поспешил к названному мне писарю, а через день у меня в руках было каллиграфически написанное на «министерской» бумаге прошение на высочайшее имя. В день своего рождения, 18 ноября, когда мне как раз исполнилось 24 года, я и вручил его курсовому штаб-офицеру. Ещё я должен был по требованию начальника академии предоставить свидетельство об окончании невестой курса гимназии и согласие на брак её родителей, засвидетельствованное у нотариуса. Теперь оставалось только ждать высочайшего решения на мое прошение.

Между тем занятия в академии шли своим чередом. Прошел уже месяц со дня подачи мною прошения, однако ни Борейко, ни я, ни третий присоединившийся к нам товарищ — поручик Мениас ответа еще не получили. Нам было известно, что наши прошения начальник академии должен был представить генерал-инспектору по инженерной части великому князю Петру Николаевичу для передачи их военному министру в одну из суббот, в которые он имел доклад.

Наконец наступили рождественские каникулы, и я поехал провести их в Киев в обществе невесты. Она меня встретила на вокзале и разрешила обращаться к ней на «ты» в присутствии родителей (наедине я получил это право значительно раньше). Однако радость нашего совместного

времяпрепровождения омрачалась сознанием того, что вопрос о нашей судьбе все еще не был окончательно разрешен.

Наступило 31 декабря. Все готовились к встрече нового 1909года. Родители отправились во Владимирский собор. Сестры Марии Васильевны были приглашены к соседям. Дома остались только старшая сестра Зина, Мария Васильевна и я. В столовой был накрыт стол с винами и закусками. Заметив приближение стрелок к 12 часам, Зина села за рояль, чтобы встретить Новый год маршем, а я стал разливать вино по рюмкам. Заметив, что в одну из них попала соринка, я поспешил на кухню, чтобы выплеснуть вино в раковину. И в этот момент к моей досаде я услышал, что часы в столовой начали бить полночь. Я мысленно утешил себя тем, что в гостиную бой часов еще не начался. Тут у входной двери на кухне появился почтальон. Он вручил мне телеграмму, в которой стояло только одно слово: «разрешено». Это мой товарищ Борейко согласно нашей договоренности извещал меня об ответе на мое прошение относительно женитьбы.

С телеграммой в руках, дрожа от волнения, я вбежал в гостиную, повторяя прочитанное в ней слово (моя жена говорила потом, что я был бледен). Зина, узнав, в чем дело, грянула на рояле торжественный марш, часы отзванивали наступление Нового года, а мы с Мусей закружились по комнате, кажется, не соблюдая такта.

На другой же день мы отправились покупать золотые обручальные кольца. Одно из них стоило 5 рублей, а другое — 8, в общей сложности — 13. «Двенадцать рублей 95 копеек», — поспешила сказать хозяйка магазина. С этими кольцами на пальцах мы уже вечером были в оперном театре. Просыпаясь этой ночью, я с восторженным чувством ощупывал на пальце еще непривычный предмет — символ бесконечного счастья.

А в это время мой друг Введенский заканчивал свою отсидку на Петербургской гауптвахте за женитьбу без разрешения начальства... Да, слишком разными путями добились мы своего семейного счастья!

Во время рождественских каникул я должен был подготовиться к экзамену по сферической тригонометрии, назначенному на 7 января. Однако всякому понятно, что в окружающей обстановке у меня не находилось времени начинать голову науками, и поэтому я готовился к экзамену в купе вагона, возвращаясь в Петербург. Рядом со мной ехали две дамы-пассажирки, что, безусловно, не способствовало моим занятиям.

Хотя свои знания я не мог считать в этот раз твердыми, испытания все же прошли благополучно, и я обратился к начальнику академии генералу Крюкову с рапортом об отпуске сроком на неделю, для того чтобы съездить в Киев обвенчаться. «Вы имеете право отпуска для этой цели не на одну, а на две недели», — сказал мне генерал. «Мне будет достаточно и семи дней, так как я не хочу отнимать много времени от учения», — был ответ.

На следующий день, 10 января, я нанял за 25 рублей хорошо меблированную комнату на углу Пантелеймоновской и Бассейной, которая должны была нам служить первым гнездышком. В тот же вечер, купив билет, выехал в Киев и прибыл в дом невесты в понедельник 12 января. Вторник провели в подготовке к свадьбе. В качестве посаженного отца я пригласил полковника Сафонова, а шаферами штабс-капитана Пышненко и поручика Фомина. Шаферами невесты были конно-горный артиллерист и гвардеец Каверпинский. Венчание было назначено на следующий день — 14 января.

Обряд совершался очень торжественно в домовый церкви военно-фельдшерской школы священником Владимировым. Его шурин пел в известном хоре Владимирского собора, певчих которого и пригласил участвовать в нашем венчании за вознаграждение всего в 20 рублей. Сам он, обладая прекрасным басом, посчитал за честь читать Апостола.

Невеста была в белом шелковом платье с длинным шлейфом. Головку её украшал веночек из белых цветов, от которого тюлевая фата спускалась на всю ее тонкую фигуру. В руках она держала прекрасный букет из живых белых роз, купленный мною в магазине на Крещатике за 8 рублей и толстую свечку, украшенную белыми цветочками. Присутствующие говорили, что она была похожа на конфетку. Ее сестры и подруги, одетые в светлые платья, сопровождали невесту. Рядом с ними следовали офицеры в блестящих мундирах гвардии и специальных войск. В церкви были зажжены все паникадила. Было очень светло и пышно.

При появлении меня хор грянул громогласную песнь «Тебе Бога хвалим», а затем ангельские голоса словами «Гряди, гряди, голубица» приветствовали прибытие невесты.

Потом священник начал церковный обряд венчания, в ходе которого был прочитан Апостол, законченный на высокой ноте словами: «А жена да боится своего мужа». Затем на наши с Мусей головы возложили венцы, поддерживаемые стоящими сзади шаферами, священник за соединенные руки обвел нас вокруг аналоя под возгласы певчих «Исаия, ликуй».

Под венцом невеста очень волновалась, и я это чувствовал по ее дрожащим холодным пальчикам, лежащим на моей руке.

Обряд венчания был окончен, мы стали мужем и женой, и по предложению священника поцеловались впервые при всех присутствующих.

Чтобы из церкви попасть на квартиру, надо было пройти от одного крыльца до другого того же здания фельдшерской школы, однако важность события требовала, чтобы и это короткое передвижение мы совершили на экипаже.

Дома нас встретили шампанским, после чего был устроен чай.

Вскоре молодая переделалась в дорожное платье, а я заменил мундир кителем, так как в 12 часов ночи отправлялся скорый поезд, на котором мы должны были выехать в Петербург. В этот момент были получены две телеграммы: в первой моя мать заочно благословляла меня на брак, а в другой мои товарищи по академии поздравляли меня с женитьбой.

В 11 часов все присутствующие в парных экипажах отправились на вокзал, где снова пили чай и шампанское. Парадные мундиры шаферов с приколотыми на груди белыми цветами привлекали к нам внимание присутствующей на вокзале публики и пассажиров нашего поезда.

Мы ехали в купе мягкого вагона, где кроме нас были еще два пассажира. Утром они заявили, что уходят в ресторан до самого вечера. «А вы тут закройте дверь», — заботливо посоветовали нам предупредительные попутчики.

Утром в пятницу мы приехали в Петербург и провели три дня в нашей уютно обставленной комнате, которая очень понравилась моей молодой жене.

В понедельник я уже был на занятиях в академии. В намеченный недельный срок я уложился.

В заключение мне еще остается рассказать о том, как закончилась семейная жизнь нас, трех друзей из 4-го понтонного батальона, женившихся на киевлянках. Анатолий Кремков прожил с женой 10 лет. В конце Первой мировой войны он пропал без вести. У него осталась дочь Ирочка, родившаяся в день нашего выезда на экзамены в академию.

Введенский с женой потеряли друг друга в начале 1917 года. Она объявилась лишь в 1924-м, когда он уже был женат на другой.

У нас с Марией Васильевной в 1911 году, как раз в момент окончания мною академии, родилась дочь Милочка.

Мы с женой прошли рука об руку длинный жизненный путь в условиях весьма сложной исторической обстановки. В общей сложности наш брак длился 22 года. В 1930 году жена умерла в Алма-Ате на руках у меня и нашей дочери от брюшного тифа. Место её погребения сейчас определить невозможно, так как все кладбище попало под застройку города.

Ее незабвенной памяти я посвящаю эти записки.

4 января 1957 года

г. Москва

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2007. № 7, 10; 2008 № 2.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СОРОКИН Алексей Иванович —

адмирал флота (Москва)

МАРШАЛ Г.К. ЖУКОВ — ПОЛКОВОДЕЦ И ЧЕЛОВЕК

Под такой рубрикой на соискание Государственной премии 2008 года имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова Российской академией естественных наук, Академией военных наук РФ и Содружеством общественных организаций ветеранов (пенсионеров) представлена серия из семи научных и историко-литературных трудов о прославленном советском полководце*.

Серия в целом представляет собой фундаментальное исследование, содержащее весьма богатый, разнообразный, во многом и уникальный аналитический материал о великом сыне нашего Отечества Маршале Советского Союза Георгии Константиновиче Жукове, внесшем весомый вклад в разгром немецко-фашистских полчищ, а следовательно, в спасение не только нашего Отечества, но и мировой цивилизации от угрозы уничтожения.

Все книги серии органически связаны между собой, и каждая дополняет и уточняет сложившиеся оценки о великом стратеге XX века, что дает возможность проследить сложный и многогранный процесс становления Г.К.Жукова как гражданина, выдающегося военачальника, государственного и политического деятеля, большого патриота нашей Родины. Надо подчеркнуть, что по общему

признанию современной западной и отечественной военной историографии в битве с фашизмом не было ни одного полководца, кто в искусстве организации и ведения фронтовых и стратегических операций затмил бы своими делами и победами маршала Г.К.Жукова.

Приведем наиболее характерное мнение о Жукове крупного американского военного историка Мартина Кайдена. В своей книге «"Тигры" горят», опубликованной в 1974 году, он разъяснял своим забывчивым соотечественникам: «У нас, на Западе, были крупные военные. На память приходит генерал Джордж Паттон. Были фельдмаршал Бернард Монгомери и генерал Дуглас Макартур. Были и другие военные гиганты: адмирал Честер Нимиц, генерал Дуайт Эйзенхауэр. Но много ли исследователей теперь ушедшей в прошлое Второй мировой войны сразу же назовут имя Георгия Жукова? Сколько из них знают, кто он был и что он сделал? Многие ли понимают, что Жуков действительно был, по самой точной характеристике Гаррисона Солсбери, "полководцем полководцев в ведении войн массовыми армиями XX столетия". Он нанес немцам больше потерь, чем любой другой военачальник или группа их во Второй мировой войне. В каждой битве он командовал более чем миллионом людей. Он вводил в дело фантастическое количество танков. Немцы были более чем знакомы с именем и сокрушающим мастерством Жукова, ибо перед ними был военный гений».

Казалось бы, столь высокие, причем, беспристрастные оценки сегодня должны были бы восприниматься однозначно, однако это не так. В течение четверти века имя Жукова в стране преднамеренно замалчивалось.

В наши же дни о личности и деятельности Георгия Константиновича Жукова высказывается достаточно много противоречивых суждений: объективных и тенденциозных, комплиментарных и критических, справедливых и лживых, добрых и злобных. Причем некоторые «знатоки истории», озарённые «новым мышлением», всячески шельмуют полководца, прикрываясь «поиском исторической истины», правом на «альтернативное мнение».

Поэтому особое значение новых книг о Г.К.Жукове заключается в том, что они способствуют утверждению в сознании нашего народа, молодого поколения исторической правды о великом полководце, отмечают все небылицы, грязную ложь и клевету о нём, всемерно содействуя воспитанию в сердцах и умах граждан Российской Федерации глубоких патриотических чувств.

Полагаю, что многочисленным читателям «Военно-исторического журнала», в первую очередь ветеранам войны, военнослужащим и нашей молодёжи, будет небезынтересно узнать немало фактов, в том числе новых и малоизвестных, связанных с биографией Г.К.Жукова, с его становлением как выдающегося полководца.

В книге «Великая Отечественная. История Великой Победы» (Главный военный консультант — дважды Герой Советского Союза маршал авиации А.Н.Ефимов, руководитель авторского коллектива и один из авторов генерал-майор В.А.Золотарёв) в строго хронологической последовательности на богатой документальной основе детально исследованы важнейшие этапы героической и драматической истории Великой Отечественной войны. Одновременно прослеживается процесс становления Г.К.Жукова как талантливого военачальника, раскрываются значение и актуальность его военно-теоретического наследия для современной России, её Вооружённых сил. В труде также показаны истоки мужества и стойкости советских воинов (солдат и полководцев), тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны. Книга рассчитана на широкий круг читателей, но особый интерес должна представлять для ветеранов, фронтовая

молодость которых связана с именем выдающегося полководца и его соратников. Молодых же людей, которые только начинают жизнь, она учит любви к Родине.

Второе коллективное исследование — «Маршал Жуков. Москва в жизни и судьбе полководца (Исторические очерки, воспоминания, документы)», одним из основных составителей и авторов которого является В.И.Звонов, посвящено «московским страницам» в жизни полководца, прежде всего Битве под Москвой, после чего он остался в памяти народной как спаситель Москвы.

В коллективный труд «Три маршала Победы», посвящённый 100-летию маршалов Г.К.Жукова, А.М.Василевского и К.К.Рокоссовского, вошли тексты докладов на юбилейных научных конференциях, переработанные затем в научные статьи. Почти половину объёма издания занимает материал о Г.К.Жукове. В разделе с содержательными статьями, основанными на личных воспоминаниях и архивных документах, выступают Маршал Советского Союза В.Г.Куликов, генералы армии В.Л.Говоров, М.А.Гареев, А.И.Грибков, академик РАЕН А.С.Орлов, генерал-полковник Б.П.Уткин и др. Интересные мнения приведены в статьях академика РАЕН В.А.Золотарёва («Традиции военного искусства России в полководческой деятельности Г.К.Жукова»), писателя, Героя Советского Союза В.В.Карпова («Маршал Жуков сегодня») и академика РАЕН профессора Г.А. Куманева («А.М.Василевский и Г.К.Жуков»).

В монографии В.В.Карпова «Жуков на фронтах Великой войны. Литературная мозаика» в логической последовательности прослеживаются основные этапы жизненного пути Г.К.Жукова — становление его личности, расцвет военного гения, несправедливая опала, а во второй книге «Маршал Жуков. Его соратники и противники в дни войны и мира» автор в концентрированном виде изложил основное содержание своих предшествующих исследований о великом народном полководце, дополнив их рядом уточнений и новых документальных свидетельств, заставляющих читателей по-новому оценить некоторые события из жизни полководца. Особый интерес вызывает заключительная часть этого издания, посвящённая послевоенным годам жизни Георгия Константиновича, когда он терпел немало несправедливости. При этом В.В.Карпов, полный убеждения, что как прежние, так и нынешние опровергатели заслуг маршала перед Отечеством, бессильны перед всенародной любовью к верному сыну России, не делает из Г.К.Жукова икону и прямо говорит о его промахах, а также недостатках, в том числе и в характере. Кстати, об этом пишут и другие авторы, ведь недаром серия носит название «Маршал Г.К.Жуков — полководец и человек». В большей степени этот подход проявляется в монографиях известного военного историка, члена Союза писателей России академика РАЕН, руководителя Центра военной истории России ИРИ РАН Г.А.Куманева. Первая из них «Рядом со Сталиным» посвящена событиям Великой Отечественной войны и включает в себя очерки, интервью и беседы автора с государственными деятелями и крупными советскими военачальниками, в которых приводятся откровенные свидетельства о деятельности Маршала Советского Союза Г.К.Жукова как полководца, о его взаимоотношениях с соратниками.

К очерку о встречах Г.А.Куманева с Г.К.Жуковым в качестве приложения приводится интересная подборка документов, показывающих Г.К.Жукова в дни обороны Ленинграда как командующего войсками Ленфронта, его опубликованные впервые «Заметки о современных проблемах обороны страны» (переданные маршалом Г.А.Куманеву), письмо генерала Д.Эйзенхауэра маршалу Г.К.Жукову и др.

В другом труде «Проблемы военной истории Отечества (1938—1945гг.)» Г.А.Куманев исследует широкий круг вопросов, начиная с рассмотрения военно-экономического потенциала страны накануне Великой Отечественной войны и заканчивая анализом решающего вклада Советского

Союза в спасение мировой цивилизации от угрозы уничтожения. Текст также насыщен документальными материалами и исследованиями о маршале Г.К.Жукове. В специальном разделе «Г.К.Жуков и А.М.Василевский» автор проанализировал огромное значение для достижения Победы творческого союза двух выдающихся полководцев.

И, наконец, следует ещё раз отметить, что весь цикл из семи книг «Маршал Г.К.Жуков — полководец и человек» — это не только труды о крупнейшем из военных стратегов XX столетия, но и эпопея о героическом и трагическом времени, в котором жил, трудился, воевал, укреплял Советские Вооруженные Силы прославленный полководец, летопись Великой Отечественной войны, где убедительно, на конкретных примерах и документах раскрывается массовый героизм наших соотечественников на фронте и в тылу. Во всех представленных книгах хорошо прослеживается вклад в общую Победу многих выдающихся полководцев — боевых соратников Г.К.Жукова — командующих фронтами, армиями, флотами, корпусами, дивизиями, флотилиями в разгром немецко-фашистской Германии и ее союзников, а также роль в этом основных видов и родов войск Вооруженных Сил страны.

* Великая Отечественная. История Великой Победы. М., 2005; Три маршала Победы (под общей редакцией Маршала Советского Союза В.Г.Куликова). М., 1999; Маршал Жуков: Москва в жизни и судьбе полководца (Исторические очерки, воспоминания, документы). М., 2005; Карпов В.В. Жуков на фронтах Великой войны. Литературная мозаика. М., 1996; *Его же*. Маршал Жуков. Его соратники и противники в дни войны и мира. Оренбург, 2000; Куманёв Г.А. Рядом со Сталиным. Смоленск, 2001; *Его же*. Проблемы военной истории Отечества (1938—1945 гг.). М., 2007.

ЦУНАЕВА Елена Моисеевна

научный сотрудник НИИ проблем экономической истории России XX века Волгоградского государственного университета (г. Волгоград)

СЕРИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ О ВОЕННОПЛЕННЫХ В СССР (1939–1956 гг.)

История военного плена в СССР относится к числу тех сложных и острых тем, которые, к сожалению, порою освещаются не добросовестно и подвергаются разнообразным фальсификациям. В этой связи важное значение имеют исследование, обобщение и публикация подлинных архивно-документальных сведений, относящихся к данной проблеме.

В настоящее время наиболее полной научной публикацией архивных документов по истории военного плена является серия «Военнопленные в СССР. 1939–1956 гг.». Ее составили 5 томов (сборников (6 книг) общим объемом более 650 печатных листов*. Работа над серией проводилась под руководством профессора М.М. Загоруйко коллективом архивистов и учёных из НИИ проблем экономической истории России XX века Волгоградского государственного университета на базе Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного военного архива.

Основу серийного издания составила публикация нормативно-распорядительных и отчётно-информационных документов центрального аппарата Наркомата (с 1946 г. — Министерства) внутренних дел и документов по регионам, раскрывающих разнообразные аспекты истории военного плена в СССР. Ведомственная организационная вертикаль органов и учреждений военного плена начала складываться с 1939 года. В работе НКВД с военнопленными главная роль отводилась Управлению (с 1945 г. — Главному управлению) по делам военнопленных и интернированных (УПВИИГУПВИ); в областях и республиках СССР функционировали региональные отделения (отделы) (ОПВИ), входившие в состав областных и республиканских управлений НКВД; на местах непосредственную работу осуществляли лагеря, госпитали и другие учреждения. В годы войны действовали также фронтовые органы УПВИИГУПВИ НКВД.

Открыл серию сборник документов НКВДИМВД СССР «Военнопленные в СССР. 1939И1956». Хронологические рамки книги охватывают период с сентября 1939 года (начало формирования учреждений военного плена) по конец 1956 года (возвращение на родину последней партии бывших японских военнослужащих Квантунской армии). Во введении отмечено, что в ходе Второй мировой войны войска Красной армии взяли в плен и интернировали около 5 млн военнослужащих вражеских армий и гражданских лиц. Для содержания военнопленных в разные годы были созданы и действовали более 500 лагерей разного профиля (фронтовые, производственные, оздоровительные, офицерские и др.). Помимо лагерей военнопленные трудились в отдельных рабочих батальонах Наркомата обороны и дорожно-строительных дивизиях НКВДИМВД СССР. Для оказания медицинской помощи бывшим солдатам и офицерам противника были созданы более 170 специальных госпиталей. Учреждения военного плена дислоцировались на территории всех республик СССР. Труд военнопленных активно использовался на восстановлении народного хозяйства страны.

Материалы сборника структурированы по следующим тематическим направлениям: система УПВИИГУПВИ НКВДИМВД СССР, учёт и содержание военнопленных, их обеспечение, медицинское обслуживание, смертность и захоронение, трудовое использование, оперативная работа в лагерях, выявление и наказание военных преступников, репатриация. В сборнике опубликован 471 документ, в том числе более 350 И впервые. Каждый раздел дополняет систематизированная статистическая и аналитическая информация, представленная в виде таблиц. В приложениях дана сравнительная характеристика норм суточного довольствия военнопленных и советских заключённых в СССР (1939И1946 гг.), представлены итоги работы медицинских учреждений, обслуживавших военнопленных, и многие другие материалы.

В 2003 году вышел второй том серии: «Военнопленные в Сталинграде. 1943И1954» (290 документов, из них 269 публикуются впервые). Тема Сталинграда занимает особое место в истории военного плена, так как именно здесь после поражения немецко-фашистских войск в феврале 1943 года в плен попадают не сотни, а многие тысячи военнослужащих противника. Авторский коллектив постарался документами дать ответ на острые вопросы, связанные со «сталинградским пленом», такие, например, как причины смертности среди бывших военнослужащих противника зимой 1942/1943 года, организация медицинского обслуживания и обеспечения контингента лагерей в условиях военного времени, когда государство должно было решать подобные проблемы для гражданского населения разрушенного Сталинграда.

Третий том И «Творчество немецких военнопленных о Сталинграде и о себе. 1946И1949» посвящен так называемой лагерной культуре. В нём собраны образцы творчества немецких военнопленных из лагерей Сталинграда. Документы свидетельствуют, что отношение Советского государства к

военнопленным было достаточно гуманным в отличие от отношения гитлеровской Германии к советским военнопленным, и одним из доказательств этого являлось создание условий для развития «лагерной культуры». Бывшие военнослужащие противника, находясь в лагерях, участвовали в кружках самодеятельности, занимались спортом, сочиняли стихи и пьесы, изготавливали искусные поделки. Читатели смогут познакомиться с подлинниками произведений, которые сохранились в архивах.

В четвертом томе «Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. Отчетно-информационные документы и материалы. 1941-1952» отражена деятельность УПВИ-ГУПВИ по следующим направлениям: общеорганизационная работа центрального аппарата; деятельность фронтовых органов УПВИ-ГУПВИ; учет военнопленных и интернированных; охрана и режим содержания военнопленных; медико-санитарное обслуживание лагерей и спецгоспиталей; трудовое использование военнопленных; деятельность отдельных рабочих батальонов военнопленных Наркомата обороны СССР и рабочих батальонов интернированных; политическая работа среди военнопленных; репатриация. Все 144 документа опубликованы впервые.

Две книги пятого тома серии включают в себя материалы региональных органов УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР. Опубликованные в томе отчетные документы региональных учреждений военного плена сгруппированы по 13 экономическим районам бывшего СССР (Северо-Западный, Центральный, Поволжский, Уральский, Дальневосточный и т.д.). В том вошли все выявленные итоговые документы о деятельности ОПВИ республиканских и областных управлений НКВД-МВД за период с 1943 по 1951 год. Отражена в нём деятельность лагерей для военнопленных и интернированных. При отборе и систематизации документов учитывался статус (профиль) лагерей, среди которых были производственные, оздоровительные, офицерские, режимные, для содержания осужденных военных преступников, транзитно-перевалочные. Материалы дают возможность познакомиться с особенностями пребывания и трудового использования военнопленных в конкретных регионах СССР.

Главная заслуга серии состоит в том, что в ней нашло своё подробнейшее документальное освещение деятельность всей системы органов УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР, представлены документы, наиболее полно отражающие условия содержания и трудового использования военнопленных в СССР в годы Второй мировой войны и в послевоенный период. В научный оборот введен значительный статистический и другой фактический материал, открывающий новые возможности для исследователей истории военного плена.

* Военнопленные в СССР. 1939—1956. Документы и материалы. М.: Логос, 2000. 1120 с.; Военнопленные в Сталинграде. 1943-1954: Документы и материалы. Волгоград: Издатель, 2003. 1160 с.; Творчество немецких военнопленных о Сталинграде и о себе. 1946-1949. Документы и материалы. Волгоград: Издатель, 2006. 600 с.; Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941—1952: Отчетно-информационные документы и материалы. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2004. 1111 с.; Региональные структуры ГУПВИ НКВД-МВД СССР. 1941—1951: Отчетно-информационные документы: В 2 кн. Волгоград: Издатель, 2005-2006.

заместитель начальника штаба Военно-воздушных сил и противовоздушной обороны ВМФ, полковник (Москва)

МОНОГРАФИЯ О СОЗДАНИИ МОРСКОЙ АВИАЦИИ ОТЕЧЕСТВА

Проблемы укрепления и совершенствования боевой подготовки морской авиации продолжают оставаться весьма злободневными. Решая их, видимо, было бы полезным оглянуться на прошлое и рационально использовать накопленный опыт. С этих позиций представляет интерес только что вышедшая монография* заместителя начальника Военно-энциклопедического управления Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации кандидата исторических наук полковника В.Л.Герасимова, посвященная истории создания морской авиации в составе Российского флота накануне и в годы Первой мировой войны.

В монографии впервые в отечественной историографии освещено строительство и боевое применение морской авиации в период 1910—1917 гг. При этом исследование построено на основе введения в научный оборот большого количества ранее не использованных документов Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), боевых расписаний, положений и инструкций того времени, в нём показан ход строительства морской авиации и вклад должностных лиц Российской Империи в создание нового рода сил в составе военного флота.

Названия глав монографии — «Зарождение авиации в Российском императорском флоте до начала Первой мировой войны», «Строительство отечественной морской авиации в годы Великой войны», «Боевое применение морской авиации Российского военного флота в Первую мировую войну» — отражают проблемно-хронологический подход к раскрытию исследуемой темы. В рамках работы автор использовал оперативно-тактическую и техническую терминологию в основном в современной трактовке, так как в 1910—1917 гг. термины морской авиации только выработывались и устоявшихся понятий не существовало. В проведенном исследовании комплексно рассматриваются строительство и боевое применение морской авиации накануне и в ходе Первой мировой войны.

Практическая значимость работы состоит в том, что в ней сформулированы рекомендации, которые могут быть реализованы на современном этапе развития морской авиации ВВС и ПВО Военно-морского флота, так как автору удалось выявить основные тенденции изменения военно-теоретических взглядов на роль и место морской авиации в составе флота и охарактеризовать ее состояние к началу мировой войны, определить главные направления строительства авиации в составе Российского флота в годы Первой мировой войны, выявить тенденции в изменении боевых задач, решаемых флотской авиацией.

Новая книга полковника В.Л. Герасимова открывает неизвестные страницы из истории авиации ВМФ и представляет интерес для всех тех, кто интересуется военной историей Отечества.

* *Герасимов В.Л.* История создания отечественной морской авиации (1910—1917 гг.): Монография. Смоленск: РИЦ «Геростеп», 2007. 216 с.

офицер Управления информации и общественных связей Министерства обороны РФ, полковник, кандидат политических наук (Москва)

Отечественная традиция асимметричного воевания

Российский военный сборник, издания которого в своей совокупности образуют настоящую энциклопедию отечественной военной классики, хорошо известен вдумчивым читателям. Увидевший недавно свет 22-й выпуск сборника* сосредоточен на осмыслении творческого наследия отечественных военных мыслителей, связанного с анализом организации и ведения партизанской, диверсионной борьбы и иных видов асимметричного воевания.

О том, насколько распространены и результативны подобные действия сегодня, говорить не приходится. Между тем прочтение книги заставит многих признать тот факт, что проблема асимметричного воевания, которая, казалось бы, встала перед человечеством только на рубеже тысячелетий, для русской военной мысли отнюдь не нова. Оказывается, представителями отечественной военной науки она прорабатывалась последовательно, тщательно и всесторонне. Сущностные черты войн новой эпохи, самым причудливым и противоречивым образом совместившей в себе передовые технологии и простые формы действий, были четко обозначены ими много лет назад. «Наряду со всё ускоряющимся развитием военной техники налицо и совершенно противоположное этому явление — всё возрастающая роль партизанской, или, по существу дела, самой примитивной формы ведения войны», — писал в небольшой статье с характерным названием «Военно-философский парадокс» о нарастающем «протесте слабых против современной военной техники» находившийся в эмиграции Генерального штаба полковник Арсений Зайцов (с. 509, 510).

В настоящей книге опубликован ряд практически неизвестных российскому читателю трудов подлинных «ревнителей» войскового партизанства. В числе авторов — военные писатели императорской России, представители русской военной эмиграции, военные специалисты Красной армии, а также «дедушка русского спецназа» Илья Старинов и ныне здравствующий командир одного из полков партизанской дивизии Ковпака Герой Советского Союза Пётр Брайко. Таким образом связующая нить протянулась от Отечественной войны 1812 года до современности. Преданные своему делу Старинов и Брайко в 1957-м (вместе с Ковпаком, Вершигорой и Сабуровым) и уже в 2000 году направляли руководству страны свои обоснованные и конкретные предложения о специальной подготовке страны и армии к ведению партизанской борьбы.

И все же первое место в разработке теории партизанской борьбы, несомненно, принадлежит Денису Давыдову. Авторы, многие из которых достойно проявили себя на поприще партизанства, в своих размышлениях отталкиваются от его наработок и выводов и призывают изучать их. Достаточно сказать, что из-под пера Давыдова вышли такие работы, как «О партизанской войне», «Опыт теории партизанского действия», «Партизанский дневник 1812 года», «Занятие Дрездена», «Разбор трёх статей Наполеона, касающихся службы русских партизан». Все они представлены в сборнике. Говоря о Денисе Давыдове, нельзя не отметить, что вышедшая книга способствует разрушению стереотипа героя войны 1812 года, сложившегося в массовом сознании. К сожалению, до сих пор бытует мнение, что Давыдов — не более чем лихой рубака, безудержный любитель выпивки, автор и исполнитель легковесных романсов. Сам он в этой связи в одном из писем с горечью отмечал: «Репутация моя умного человека поглощается мнением, что я ветрен и

бесхарактерен, следовательно, пустой человек! Проклятое мое остроумие и стихотворство много мне повредили в мнении людей сухой души и тяжкого рассудка» (с.73). Своими сослуживцами, которым, видимо, было удобнее придерживаться привычных взглядов на военное дело и ничего не менять, он «почитался... и остряком, и поэтом, следственно, ни к чему не способным» (с. 160).

Однако труды Дениса Давыдова показывают, что он был не только лихим командиром и талантливым организатором партизанской борьбы, но и глубоким аналитиком, способным к обобщениям, выводам и рекомендациям. Это в очередной раз доказывает, что интеллектуальная традиция отечественного офицерского корпуса имеет прочные корни, что образованность и культура не просто прекрасно уживаются со смелостью, решительностью и организаторскими способностями, а являются настоящей гарантией успеха в службе.

Новый выпуск Российского военного сборника адресован широкому кругу читателей. Но прежде всего он предназначен для военнослужащих Вооруженных сил, внутренних войск, частей специального назначения, казачества. Хотелось бы заранее предупредить возможные недоразумения относительно того, что содержание книги может быть каким-либо образом использовано в качестве руководства по организации диверсий или же терактов. Составители и авторы сосредоточились совсем на другом — на идейной подготовке России и ее армии к современной асимметричной войне, на привитии понимания возможностей и специфики малой войны.

В нашей стране издаются труды многих зарубежных теоретиков и практиков партизанства, но преимущество подходов российских и советских мыслителей заключается в том, что они лежат в русле отечественной традиции воевания и не нуждаются в адаптации к национальной специфике. Реалии же таковы, что Россия, её армия обречены воевать жёстко и по-современному, в частности адекватно противостоять действиям диверсионного и повстанческого, асимметричного характера.

* Грозное оружие: Малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. М.: Военный университет, Русский путь, 2007. 760 с.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

«ВОЙНА И МИР. 1807 ГОД»

В старейшем военном музее России — Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи прошла выставка «Война и мир. 1807 год», посвящённая 200-летию со дня подписания Тильзитского мира, которому предшествовала Русско-французская война 1806—1807гг. за спасение Прусского королевства от наполеоновской Франции. До сих пор события тех лет вызывают многочисленные споры в среде историков. Кампания 1806—1807гг., к сожалению, незаслуженно забытая, занимает важное место в военной истории России вообще и в истории отечественной дипломатии в частности. Русская армия сумела противостоять силам Наполеона, а Тильзитский мир позволил императору Александру I вывести Россию из войны без территориальных потерь.

На выставке были представлены коллекция оружия, поражающая не только своим разнообразием, но и великолепием, демонстрирующим мастерство оружейников России, Франции, Пруссии; подлинные предметы обмундирования и амуниции русской, австрийской, прусской и французской армий, а также картины известных русских баталистов М.Б.Грекова и А.И.Шарлеманя, гравюры, запечатлевшие крупнейшие сражения той войны — Аустерлицкое, при Прейсиш-Эйлау, Фридландское и эпизоды заключения Тильзитского мира, портреты полководцев и монархов, сыгравших в этой кампании ведущую роль.

В июне—октябре 2007 года экспозиция демонстрировалась в Калининграде (Кёнигсберге) — бывшей столице Пруссии, где 200 лет назад и происходили военные события.

ВЫСТАВКА ПАМЯТИ КОРНИЛОВА

13 апреля 2008 года исполняется 90 лет со дня смерти генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова, одного из основателей и признанных вождей Белого движения. Л.Г. Корнилов — военный разведчик-востоковед, участник Русско-японской войны и герой Первой мировой, прославившийся своим дерзким побегом из австрийского плена, в который попал, будучи раненым и обеспечив выход своих войск из окружения, кавалер ордена Святого Георгия 4-й и 3-й степени, Верховный главнокомандующий Вооруженных сил России (1917), командующий Добровольческой армией (1918).

Памяти Корнилова и корниловцев посвящена книжно-документальная выставка, открывающаяся в выставочном зале Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» и организованная в содружестве с Государственным архивом Российской Федерации, Российским государственным военно-историческим архивом, Российским государственным военным архивом, Российской государственной библиотекой, Государственной публичной исторической библиотекой России. Столь представительный состав участников позволил на сравнительно небольшом пространстве выставки осветить основные этапы жизненного пути Л.Г. Корнилова, раскрыть перед посетителями избранные страницы истории корниловских частей. Спецификой выставки является легкая читаемость большинства представленных на стендах и в витринах документов, что превращает её в своего рода иллюстрированный сборник материалов по заявленной теме. Как в годы Гражданской войны, так и особенно в зарубежье о Корнилове и корниловцах было написано большое количество книг, брошюр, статей.

Выставка продлится до 11 апреля. Адрес выставочного зала Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье»: ул. Нижняя Радищевская, дом 2, 4-й этаж, комната 409.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

ФЛАГИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФЛОТА

В рамках программы «Незабытая история» фонда «Русские витязи» издана книга Л.Н. Токаря и М.В. Разыграева «Судовые флаги, вымпелы и флюгарки. 1700—2006 гг.»*. Издание представляет собой единый свод официальных материалов по флагам, вымпелам, брейд-вымпелам Российского императорского и советского Военно-морского флотов, торгового флота, флота ведомств и учреждений, судовладельцев и общественных организаций. Определены временные

рамки существования каждого флага, указано его официальное наименование, круг применения, дано точное описание в соответствии с текстом официальных актов.

В книге собраны сведения по 2813 флагам, вымпелам и флюгаркам морских и речных судов России с 1700 по 2006 год.

* *Токарь Л.Н., Разыграев М.В.* Судовые флаги, вымпелы и флюгарки. 1700—2006 гг. М.: фонд «Русские витязи», 2007. 560 с.

ЛУКЪЯНОВА Галина Михайловна —

студентка Московского гуманитарно-экономического института (Москва)

военная слава кубанского казачества

В изданной недавно книге* рассказывается о славной боевой истории кубанского казачества, его участии в русско-турецких войнах, персидских, среднеазиатских походах, Русско-японской и Первой мировой войнах. Систематическое изучение военной истории кубанского казачества началось в 60-х годах XIX века. Для написания истории казачества выбирали офицеров, которых освобождали от некоторых служебных обязанностей и направляли для занятий в архивах. Есаулами К.И. Раковским, М.И. Саньковым и сотником С.Г. Захаровым были составлены очерки истории подразделений, вошедших впоследствии в состав Урупского линейного полка. Для составления истории Лабинской бригады привлекли опытного сотника Дмитриенко; историю строевых частей Екатеринодарского округа составил хорунжий П.П.Короленко.

Очерки, написанные в конце 1860-х годов, во многом напоминают военную документацию, которая велась полковыми адъютантами. Сказывалась недостаточность образования, необходимой подготовки для написания полноценной истории полка.

Так, в ходе Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. приказом главнокомандующего Кавказской армией в обязанность командирам полков, батальонов и батарей вменялось доставлять в войсковой штаб журнал о службе подразделения «со дня формирования до роспуска на льготу». Итогом явились два тома «Журналов об образовании и участии в военных действиях в Турции и на Балканах строевых частей Кубанского казачьего войска», хранящиеся сегодня в Государственном архиве Краснодарского края.

Первая мировая война и социальные потрясения самым непосредственным образом отразились на творчестве полковых историографов Кубанского казачьего войска. Отдельные полковые историки, например В.И. Лисевицкий, А.Д. Ломанов, продолжили свою работу во время войны. Написание многих рукописей о Первой мировой войне заканчивалось уже во время Гражданской войны. В эмиграции хранители казачьей славы пытались продолжить традицию составления полковых историй.

Начиная с 1990-х годов века кубанскими и столичными историками исследуется участие кубанского казачества в Первой мировой войне. Однако в военном прошлом кубанских казаков осталось еще немало пробелов. И последовательное, системное изложение военной истории —

дело будущего, в настоящей книге представлены лишь некоторые факты и события боевой биографии кубанцев.

* *Матвеев О.В., Фролов Б.Е.* Страницы военной истории кубанского казачества (к 310-летию служения кубанского казачества Российскому государству). Краснодар: Перспективы образования, 2007. 388 с., ил.

ЛЁТЧИКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Книга М.А. Хайрулина и В.И. Кондратьева «Военлёты погибшей Империи. Авиация в Гражданской войне»* представляет собой первое и на сегодняшний день единственное исследование одной из самых забытых страниц отечественной истории — боевого применения авиации в годы Гражданской войны в России.

С момента окончания Гражданской войны прошел уже не один десяток лет, но с каждым днем этот величайший социальный конфликт привлекает все больше и больше внимания ученых, литераторов да и других людей, не равнодушных к истории. Написано множество книг, неимоверное количество газетных и журнальных статей, диссертаций, но, к сожалению, все эти труды не могут воссоздать полную и объективную картину событий тех лет, в том числе и историю применения военно-воздушных сил противоборствующих сторон. Ни в России, ни за рубежом еще не появлялось изданий, обобщающих и систематизирующих информацию по этому вопросу и содержащих подробную хронологию действий красной и белой авиации в 1918—1921 гг.

В ходе Гражданской войны самолеты использовались для разведки, вели воздушные бои, штурмовали скопления вражеских войск и даже наносили бомбовые удары по городам и железнодорожным узлам. По окончании боевых действий судьба разбросала белых пилотов по всему миру. Лётчики же Красной армии впоследствии стали основателями советских ВВС.

Нельзя не упомянуть об иллюстративных материалах, включенных в книгу. Заметно, что авторы сделали акцент на уникальных, ранее никогда не публиковавшихся снимках. По некоторым из них сделаны цветные боковые проекции, позволяющие узнать, как выглядели в цвете боевые самолёты, принимавшие участие в войне. К сожалению, фотоснимков белой авиации сохранилось гораздо меньше, чем красной, поэтому и среди иллюстраций преобладают проекции красноармейских машин.

**Хайрулин М.А., Кондратьев В.И.* Военлёты погибшей Империи. Авиация в Гражданской войне. М.: Эксмо, Яуза, 2008. 432 с. (Имперский стяг).

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Публикация: ДМИТРИЕВА Ольга Руслановна —

научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

март в военной истории

2 марта 1913 года родился Г.Н. Флёрв, генерал-лейтенант, Герой Социалистического Труда, академик. Один из создателей ядерного оружия и ядерной энергетики в России, лауреат Ленинской и Государственных премий.

3 марта — 1878 года подписанием Сан-Стефанского мирного договора закончилась Русско-турецкая война 1877—1878 гг. Болгарии, Боснии и Герцеговине предоставлялась автономия, а Сербии, Черногории и Румынии — независимость. Россия присоединила к себе Южную Бессарабию, крепости Ардаган, Карс, Батум, Баязет с Алашкертской долиной.

3 марта 1918 года подписан Брестский мирный договор Советской России с государствами Четверного союза. Россия отказывалась в пользу государств Центральной Европы от прибалтийских губерний и российской части Польши, признавала независимость Финляндии и Украины, передавала Турции бывшие российские города Карс, Ардаган и Батум.

3 марта 1928 года на Ленинградском научно-испытательном артиллерийском полигоне впервые в мире проведены стрельбы активно-реактивными минами на бездымном тротил-пироксилиновом порохе, являющимся прототипом реактивных снарядов знаменитой «катюши».

4 марта 1813 года во время Заграничного похода русской армии 1813—1814 гг. войсками под командованием генерала А.И.Чернышёва взят Берлин, французские войска были отброшены за р. Эльбу.

5 марта 1918 года создана Служба военных сообщений (ВОСО) Вооружённых Сил Республики.

6 марта 1918 года – начало иностранной военной интервенции на Севере России. В Мурманском порту с английского линкора «Глория» началась высадка первого отряда (170 человек) интервентов.

7 марта 1918 года родился Е.Ф. Ивановский, генерал армии, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны. С июня 1968 года командовал войсками Московского военного округа, с 1972 года — главнокомандующий Группой советских войск в Германии, с февраля 1985 года — главнокомандующий Сухопутными войсками — заместитель министра обороны СССР.

8 марта 1968 года в районе о. Гуам на глубине 5000 м затонула советская дизель-электрическая ПЛ К-129 (проект 629А). Погибло 97 подводников. Наиболее вероятная версия — столкновение с американской ПЛ.

10 марта 1908 года родился Ж.Я. Котин, конструктор танков, доктор технических наук, генерал-полковник-инженер, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий, главный конструктор Кировского завода в Ленинграде. Под его руководством созданы тяжелые танки КВ и ИС, самоходные артиллерийские и мобильные ракетные установки на их базе, плавающий танк ПТ-76, тракторы КТ-12 и К-700. Заместитель министра оборонной промышленности 1968—1979 гг.

13 марта 1938 года в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) образованы Главный военный совет ВМФ и Главный военный совет РККА. С началом Великой Отечественной войны они были упразднены. Восстановлены в 1950 году.

18 марта 1903 года родился П.А. Жилин (с. Воробьевка Воронежской области), генерал-лейтенант, военный историк, член-корреспондент АН СССР, лауреат Государственной премии, участник Великой Отечественной войны. В 1959—1964 годы заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала». С 1966 года — начальник Института военной истории МО СССР. Автор большого числа работ по военной истории.

21 марта 1773 года родился Ф.П. Уваров, генерал от кавалерии. В армии с 1787 года, участник войн со Швецией, Турцией, Францией и подавления Польского восстания. Отличился при Бородине, возглавив вместе с М. И. Платовым рейд во фланг и тыл Наполеона (после Бородино были награждены все русские генералы, кроме Уварова и Платова), под Вязьмой и Красным. С 1821 года командовал гвардией.

21 марта 1883 года родился В.А. Антонов-Овсеенко (г.Чернигов, Украина), военный, политический и государственный деятель. Во время Октябрьской революции — секретарь Петроградского ВРК, руководил взятием Зимнего дворца. В 1917—1924гг. — один из организаторов Красной армии, командовал советскими войсками Юга России. С 1937 года — нарком юстиции РСФСР. Репрессирован. Погиб в 1938 году. Реабилитирован посмертно в 1956 году.

23 марта 1908 года родился А.М. Люлька, учёный и конструктор авиационных двигателей, один из основоположников теории воздушно-реактивных двигателей, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда.

25 марта 1993 года был произведен первый запуск РН «Старт-1» с 1-го Государственного испытательного космодрома Плесецк.

28 марта 1908 года родился И.К. Кикоин, дважды Герой Социалистического Труда, академик, лауреат Ленинской и Государственных премий. В годы Великой Отечественной войны занимался разработкой противотранспортных мин. С 1943 года возглавил одно из направлений атомных исследований.

29 марта 1848 года родился А.Н. Куропаткин, военачальник, генерал от инфантерии, военный министр. Участник завоевания Туркестана, Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. — главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке. После поражения под Мукденом смещён с этой должности. С 1906 года — член Госсовета. Во время Первой мировой войны командовал корпусом, армией, Северным фронтом. В 1916—1917 гг. — туркестанский генерал-губернатор, руководил подавлением восстания в Средней Азии в 1916 году. Автор ряда трудов по военной истории и географии.

Старейший военный журнал

В марте 2008 года ежемесячному военно-научному журналу Военно-морского флота России «Морской сборник» исполняется 160лет. Основанный в 1848 году по высочайшему указу императора Николая I, он все эти годы выходил без перерыва, способствуя развитию военно-морской науки и практики, повышению уровня боевой подготовки личного состава, информируя

флотскую общественность о применении новых образцов техники и вооружения, развитии в военно-морского искусства.

Задуманный сначала как журнал для офицеров и адмиралов флота, «Морской сборник» быстро перерос ведомственные рамки, став одним из популярнейших в стране изданий. На его страницах публиковали свои произведения А.Н.Островский, И.А.Гончаров, Н.Г.Чернышевский, позднее Б.А.Лавренёв, Л.С.Соболев, А.С.Новиков-Прибой, В.С.Пикуль, печатались академики Э.Х.Ленц, А.П.Александров, великий хирург Н.И.Пирогов, выдающиеся кораблестроители С.К.Джевецкий и И.Г.Бубнов, А.Н.Крылов и И.Д.Спасский, химики Д.И.Менделеев и И.М.Чельцов, изобретатель радио А.С.Попов, гидрографы и океанографы Ю.М.Шокальский и Ф.П.Врангель, историки В.Ф.Головачёв и другие писатели, учёные, публицисты.

В годы Великой Отечественной войны «Морской сборник» выходил в осаждённом Ленинграде. Печатать тираж там возможности не было, поэтому каждый месяц один из сотрудников редакции вёз гранки журнала по Дороге жизни через Ладогу на Большую землю, и не было случая, чтобы журнал не вышел вовремя.

Как в военное, так и в послевоенное время «Морской сборник» широко и целенаправленно освещал вопросы боевых действий отечественного ВМФ и зарубежных флотов на морских театрах Второй мировой войны, проблемы развития военно-морского искусства, техники и вооружения, теории и практики, морской медицины. В настоящее время, как и прежде, журнал неустанно пропагандирует передовой опыт боевой подготовки и воспитательной работы, широко освещает историю развития флота, состояние дел в иностранных флотах.

От лица редакции и ото всех читателей «Военно-исторического журнала» поздравляем коллектив «Морского сборника» и флотскую общественность со 160-летием старейшего в стране периодического издания и выражаем надежду, что «Морской сборник» и впредь будет верно служить России и её Военно-морскому флоту.